

Моей жене — Заре Коростылевой

БРИГАНТИНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лавров — учитель физики, средних лет.

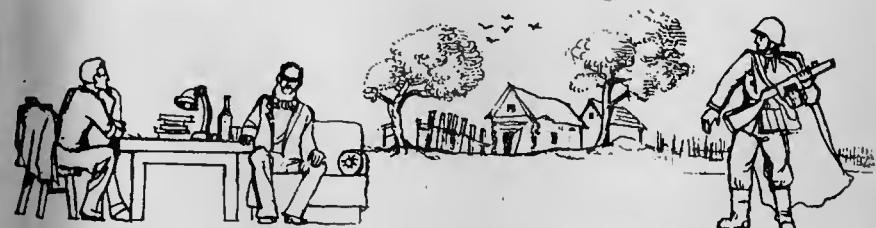
Рита Вилгис — художница, средних лет.

Надя Очак — бывшая ученица Лаврова, студентка, 2-й курс астрофизического.

Папаша Очан.

Парень с фотографической карточки.

Водитель такси.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

Ночь. Площадь. Стоянка такси. Одна машина с зеленым огоньком. Молодой водитель курит, облокотившись на капот. К такси подходит Лавров.

Лавров. Свободен?

Таксист. Куда ехать?

Лавров. К одной знакомой.

Таксист. Я про адрес.

Лавров. Долго будем ехать.

Таксист. Если в Кунцево — я не поеду.

Лавров. Сначала мы заедем в разные уголки моего сердца. Это будет долго. Но я могу к пей проехать только этой дорогой. Знаешь, как в старину говорили?.. «Не дивись, путник, чудесам заморским, храмам и дворцам людским, а дивись переменам, произошедшим в сердце твоем».

Таксист. Если вам в Загорск — так бы и сказали. Нам духовных возить не запрещено. Пятиадцать без счетчика.

Лавров. Это не из Писания. Это из «Всемирного путешественника» за тысяча восемьсот шестой год.

Таксист подозрительно смотрит на Лаврова. Лавров понимающе дыхнул на него.

Таксист. Нет, ничего. А то я подумал — вы поэт.

Лавров. А что, поэты всегда?.. (Выразительно щелкает пальцем по горлу.)

Таксист. А как же! Пьяному человеку все представляется в лучшем виде. А то ведь, если не в лучшем, — не напечатают.

Лавров. Да пу!

Таксист. Знаем. Возил. Деньги есть?

Лавров показывает бумажник.

(Ухмыльнулся.) На все пакатаем?

Лавров. Может, и на все.

Таксист. Ладно, можешь в Кунцево.

Лавров. Такого названия в моем сердце не значится.

Таксист. Сейчас. Только стеклоочистители поставлю.

Лавров. Зачем?

Таксист (не без ironии). Чтобы лучше видеть. Дождь пошел.

Лавров. Разве? (Подставляет руку под капли.) Ну что ж, дождь так дождь. Тогда тоже пошел дождь. Только не было стеклоочистителей. (Садится в машину.)

Начинается дождь. Все сильнее и сильнее. Он превращается в дождевой занавес, за которым исчезает машина... Сплошной дождь. Но вот он перекрывается рамой окна и идет уже за окном. В темноте угадываются очертания комнаты. В комнату входят двое. Это Лавров и Рита Вилгис. Под потолком вспыхивает лампочка без абажура. Некоторое время Лавров и Рита стоят молча.

Рита. Зачем вы меня сюда затащили?

Лавров. Из человеческого. (Показывает на окно, за которым не существует ливень. Помогает Рите снять плащ.) Вы можете сесть.

Рита (стоит посередине комнаты, изучая ее). Когда я попадаю в чужую комнату, я попадаю в неизведанную страну. Я должна ее открыть.

Лавров. Страна открывается чрезвычайно просто. Ключом.

Рита. А как же отнесутся вещи? Этот диван, например?

Лавров (мануя рукой на диван). Бесхарактерное существо.

Тюфяк! Вам нечего опасаться.

Рита садится на диван, Лавров — на стул.

Рита. Давайте хоть познакомимся.

Лавров (привстав). Лавров.

Рита. Ну?

Лавров (удивленно смотрит на нее, снова привстает и представляется). Лавров.

Рита. И все? Но очень-то щедро! Я могу рассказать о себе больше. (Представляясь.) Вилгис. Рита Вилгис. Слабая женщина,

которая позволила первому встречному — ныне Лаврову — затащить себя в свою берлогу. Правда, у первого встречного — ныне Лаврова — были смягчающие обстоятельства: начался ливень. И гроза. И все побежали как сумасшедшие.

Лавров. Чаю хотите?

Рита. Хочу.

Лавров. Гм! (Подходит к буфету, открывает его, роется.) Страус на вертеле... (Достает остаток курицы.) Кабаний окорок... (Достает тарелочку с жалкими остатками ветчины.) Бочонок рому был когда-то полон, но... (Достает пустую бутылку, переворачивает ее горлышком вниз.)

Рита (с любопытством присматриваясь к Лаврову). В таких случаях, кажется, полагается жевать подметки?

Лавров (роется в буфете). Есть сахар. Рафинад. В пачке. Шесть кусков.

Рита. Будем пропадать с шестью кусками рафинада. Ставьте чайник.

Лавров уходит. Рита из своей сумки достает бутылку коньяка, батон, всякую снедь. Накрывает на стол. Включает настольную лампу, гасит неуютный верхний свет. Входит Лавров с чайником. Мельком окидывает взглядом накрытый стол, достает из буфета чашки.

Лавров (не оборачиваясь, между прочим). У кого сегодня день рождения?

Рита. У меня. Вы, как истинный пират, похитили у моих гостей коньяк и закуску.

Лавров. Не считая вас.

Рита. Разумеется. Но это для них не самая большая потеря.

Лавров (вдруг смущившись). Я могу вызвать такси.

Рита. Пират обладал мягким характером?

Лавров. Ладно. Черт с ними, с вашими гостями.

Рита (сварливо). Каррамба! Сто тысяч чертей и одна ведьма!

Пусть они жуют свои жирные каучуковые подметки.

Садитесь! (Разливает по рюмкам коньяк.) Вы не хотите предложить тост за дам?

Лавров. Хочу.

Рита. Предлагайте!

Лавров. За дам!

Рита. Оригинально и лаконично.

Пьют.

(Делаёт большой бутерброд с ветчиной, подает Лаврову.) Может быть, вы мне откроете одну тайну?

Лавров (жуя бутерброд). Нет! Пираты начинают выбалтывать тайны только после второй кружки доброго рома.

Рита. Двести дьяволов на один остров! За этим дело не станет! (Наливает по второй рюмке.)

Пьют.

Ну, пожиратель кабаньих окороков, теперь откройте мне: кто вы?

Лавров. Я?.. Физик.

Рита. Я должна встать?

Лавров. Почему?

Рита. О, да вы, оказывается, скромный физик. В наше время это такая редкость!

Лавров. Но я действительно скромный физик. Я учитель физики. В средней школе.

Рита. Тогда за скромных физиков! (Снова наливает.)

Лавров. А мы с вами не надеремся?

Рита. Обязательно надеремся.

Лавров. Прекрасно! Мне жаль ваших гостей.

Рита. Мне тоже.

Лавров. Мне их так жаль, что я готов выпить и за них.

Рита. Ну что же, выпьем и за них.

Лавров. И за дождь.

Рита. За дождь?

Лавров. Неприятно быть дождем. Все от тебя бегут, все прячутся. Каждой каплей ты рвешься на землю, к людям, а они перед твоим носом захлопывают окна.

Рита. Совершенно ясно, что надо выпить за дождь.

Лавров. Просто было бы глупо не выпить за него: быть дождем так приятно!

Рита. Да пуй!

Лавров. А как же! Жара. Пыль. Прохожие просто так, от жары, начинают ненавидеть друг друга. И вдруг — ты, дождь. Сначала ты посылаешь одну каплю, потом — другую. Несколько капель — на подоконник. Несколько — на нос копошатой девочке. По этому смешному носу ты отстукиваешь, как морзянкой: «Я иду! Я иду!» Нос весело морщится, а ты уже тут как тут: ливнем — на крыши, на улицы, на окна. Если бы глупый, смешной нос не спрятался в парадное, ты бы смыл с него все веснушки. Люди раскрывают зонтики. Но это так, от смущения. Чтобы скрыть от тебя свою радость. За дождь!

Рита. За дождь!

Пьют, ставят рюмки.

Скажите, это очень трудно — почувствовать себя дождем?

Лавров. Нет. Не очень.

Рита. Что курят в этой, еще не совсем открытой стране?

Лавров. Только папиросы с романтическими названиями: «Волна!» «Прибой!» (Нерешительно протягивает Рите пачку.)

Рита берет папиросу. Оба закуривают. Дверь открывается, и входит Надя Очан с букетиком ландышей. Рита сидит так, что, войдя в комнату, ее можно сразу и не заметить.

Надя (с обыденной интонацией). Добрый вечер, Землянин.

Лавров (в тон Наде, не очень вдумываясь в слова, а, скорее, произнося их механически, как слова давно заведенной игры). Привет, Бегущая по Звездам. Как сегодня на звездных дорогах?

Надя. Сыро на звездных дорогах, Землянин. (Идет к буфету и, по-хозяйски достав вазочку, ставит в нее ландыши.) На твоей планете я нашла странные цветы и принесла их тебе. Но, может быть, это плохие цветы? (Высоко поднимает вазочку.)

Лавров. Пыль метеоритов запорошила тебе глаза! Это ландыши, самые удивительные цветы на Земле.

Надя (заметив Риту). А-а!.. (Ставит вазочку и, деловито поправив ландыши, направляется к двери.)

Лавров. Куда ты? На улице ливень.

Рита. Выпейте копьяку.

Надя. Спасибо. У меня плац. И зонтик. И четыре пары галош. (Уходит, хлопнув дверью.)

Рита. В этой стране водятся ревущие волчата?

Лавров. Надя Очан. Моя ученица. Бывшая, конечно. Теперь — второй курс астрофизического.

Раздается далекий, затухающий гром.

Рита. Гроза, кажется, проходит?

Лавров. Вам никогда не приходило в голову, что бывает гром, который твердо выговаривает «р», а бывает гром, который карта-вит?

Рита. Нет, не приходило.

Лавров. Жаль.

Рита. А почему «Землянин»?

Лавров. Потому что опа — Бегущая по Звездам.

Рита. Серьезная игра!

Лавров. Да. Серьезная.

Рита. А почему вы схватили именно меня? На улице было много прохожих.

Лавров. Действительность намекает и подсказывает. Хотя намекать и подсказывать нехорошо, но... такова действительность.

Дробь дождя. Она становится все реже и реже. Стучат уже одиночные капли. Лавров насвистывает старую студенческую песню «Надоело говорить и спорить».

Рита. Гроза, кажется, и впрямь проходит.

Лавров (перестав свистеть). Говорят — предгрозовая типина. Это гроза всегда бывает перед типиной.

Рита. Теория относительности в поэзии. А почему цветы?

Лавров. Потому что Надя Очан была больна, когда выпускники мне подносили традиционный букет. И не внесла своих двух рублей. Теперь она приносит мне цветы в индивидуальном порядке.

Рита. И довольно давно.

Лавров. Да. Довольно давно.

Рита (встает, ходит по комнате. Останавливается перед книжной полкой). Хемингуэй. Вы любите Хемингуэя?

Лавров. Вот мы поговорили и о литературе.

Рита (подходит к сидящему за столом Лаврову). Гроза прошла. Мне уходить?

Лавров молчит. Рита отходит к дивану, садится. Лавров наливает в рюмку коньяк, но не пьет, а начинает крутить рюмку между пальцев.

(Тихо напевает.)

«Надоело говорить и спорить

И любить усталые глаза.

В флибустьерском, дальнем море

Бригантина подымает паруса...»¹.

Кажется, вы это насвистывали?

Лавров. Да. Это.

Рита. Мы тоже ее пели. Тогда.

Лавров. Ее сочинил мой товарищ, студент ИФЛИ. Он был немного старше.

Рита. Может быть, мы по ней должны теперь узнавать друг друга? Мы, мальчишки и девчонки конца тридцатых годов?

Лавров (с грустной ironией). Конца тридцатых годов двадцатого столетия. Это звучит историчнее. И торжественнее.

Возникает далекая, как воспоминание, мелодия.

(Тихо напевает.)

«Надоело говорить и спорить

И любить усталые глаза.

В флибустьерском, дальнем море

Бригантина подымает паруса.

Капитан, обветренный, как скалы,

Вышел в море, не дождавшись нас...

На прощанье подымай бокалы

Золотого терпкого вина».

Рита встает и, взяв плащ, уходит, неслышно прикрыв дверь.

(Он этого не замечает. Поэт.)

«Пьем за яростных, за пепохожих,

За презревших грошевой уют.

Вьется по ветру веселый Роджер,

Люди Флинта песенку поют.

Так прощаемся мы с серебристою,

С самою заветною мечтой,

Флибустьеры и авантюристы

По крови упругой и густой».

Дверь открывается, и входит Надя. Она слушает Лаврова, прислонясь к дверному косяку.

«И в беде, и в радости, и в горе —

Только чуточку прищурь глаза —

В флибустьерском, дальнем море

Бригантина подымает паруса...».

Песня кончилась, но звучит ее тихая, далекая мелодия.

(Негромко, как бы про себя.) ...Это была бригантина, на которой вышли семнадцатилетние мальчики. Я был самым младшим из команды. Мы только в песне подымали бокалы золотого терпкого вина... И только в песне мы говорили, что «надоело говорить и спорить». Нет, это нам никогда не надоело. Мы знали, что, если чуточку прищурить глаза, гриновские города станут явью. Мы знали, что, если чуточку прищурить глаза, девчонки из нашего класса станут девчонками из Зурбагана и Лисса. И будут набиваться с нами в плаванье. Но мы им откажем, потому что впереди — огонь и бой. Мальчики не доплыли до того возраста, когда забываются такие песни, как эта. Потому что голоса из этой песни чужие снайперы начали выбивать еще под Кохтла-Ярве. По-

¹ Стихи П. Когана.

том под гудериановскими танками смолкло еще несколько голосов. А когда огонь и бой остались позади,— бригадитина была почти пустая. На ней остался только самый младший. И молчание. А теперь... теперь голоса стали возвращаться. Когда я выпустил свой первый десятый класс, я не спал почью. И вот за окном прошумел парус, и проснулся голос нашего прежнего запевалы...

Снова начинает звучать эта песня в одном мальчишеском голосе, который доносится откуда-то. И вот песню подхватили уже несколько мальчишеских голосов.

Потом проснулись все голоса, и бригадитина вновь вышла в открытое море. На ней был только я, сорокалетний капитан. И голоса семнадцатилетних мальчиков. Звонкие, ломающиеся голоса, которые не успели повзрослев...

Звучит песня.

Надя (очень тихо). Мне страшно. Это поют мертвые?

Лавров (не оборачиваясь). Нет. Это я научил соседского парнишку. А он — приятелей. Романтики! (Встает, оборачивается к двери.) Это ты, Бегущая по Звездам?

Надя. Она ушла. Я ждала па улице, когда она уйдет. Я очень хотела, чтобы она ушла.

Лавров. Она хотела остаться.

Надя. Я знаю. Но я хотела, чтобы она ушла. И она ушла.

Лавров. Ну, посиди хоть ты.

Надя. Ладно. Хоть я посижу. (Садится.)

Лавров. Эх ты, Бегущая по Звездам.

Надя. Эх я, Бегущая по Звездам.

Лавров. Какие новости в галактике?

Надя. Разве есть новости?

Лавров. Говорят, марсиане среди нас. Живут, присматриваются.

Они совсем такие же, как и мы. Может быть, я марсанин?

Надя. Но я вас никогда не встречала на Марсе.

Лавров. Значит, землянин? Коренпой?

Надя. Значит, землянин. Корениной.

Лавров. Ну что же. Это хорошо. Скажи мне, Бегущая по Звездам...

Надя (встает). Я не Бегущая по Звездам. Я — Надя. Надя Очан.

И я люблю вас.

Лавров. Девочка, ты сошла с ума.

Надя. Я не сошла с ума. Я бы вам никогда не сказала, если бы не она. Не эта.

Лавров. Я был твоим любимым учителем, но...

Надя. Нет. Вы не были моим любимым учителем. Вы были моим учителем. И любимым. А когда вы тащили из себя осколок...

Лавров. Ты и это знаешь?!

Надя. Это весь класс знал. Весь класс знал, что врачи вам отказались удалить осколок мины, потому что он лежал где-то возле артерии. Весь класс помогал вам на лабораторных занятиях дслать мощный электромагнит. А зачем он — догадывалась только я. И я сказала всем. И когда вы остались в физкабинете тогда, почью, и первый раз закричали...

Лавров (несколько смущенно). Когда человеку больно и он один, он имеет право кричать.

Надя. Вы не были один. Весь класс стоял под дверью физкабинета. И мы еще три ночи стояли, пока вы тащили свой осколок. И девчонки плакали. А Сережа Кугель дежурил у телефона, чтобы набрать поль-три. И мальчишки стояли цепочкой от двери физкабинета к Сереже, чтобы передать, когда пора звонить. А днем вы приходили с провалеными глазами, и мы отвечали на одни пятерки. А потом, когда вам делали операцию, я молилась. И врачи сказали, что это чудо, что вам удалось оттащить осколок на полтора сантиметра и не было кровоизлияния.

Лавров. А они не сказали, что твой учитель — мальчишка и пижон?

Надя. Нет. Не сказали.

Лавров. Мне лично это они заявили. Тут же, после рентгена. И я не мог с ними не согласиться. И еще они сказали, что я...

Надя делает шаг к двери.

Ты куда?

Надя. За черной краской. А то вам не хватит. Я куплю. И можете мазаться сю сколько угодно.

Лавров. Ты все равно не поверишь.

Надя. Нет.

Лавров. И будешь считать, что я — герой.

Надя. Да.

Лавров тянется к налитой рюмке. Надя перехватывает рюмку, выплескивает коньяк.

Я не хочу, чтобы вы пили этот коньяк. (Стоит, в упор глядя на Лаврова.)

Лавров начинает шагать по комнате. Потом резко выдергивает ящик письменного стола, достает какую-то фотографию, дает ее Наде.

(Смотрит фотографию.) Кто это?

Лавров. Нравится?

Надя пожимает плечами.

Похож? (Показывает на себя.)

Надя. Ни капельки... (Вдруг догадавшись.) Это... ваш сын?

Лавров. Это твой любимый. И твой учитель. Когда ему было девятнадцать.

Надя хочет вернуть фотографию.

Нет. Посмотри. Посмотри еще. Ты, Бегущая по Звездам! По теории Эйнштейна, ты можешь путешествовать и во времени.

Надя. Только вперед.

Лавров. А ты — назад. Попробуй. Облети Землю против часовой стрелки, сдери с нее слой двадцати с лишним лет и опустись в этой комнате, с этой обстановкой, в этот же час. И побудь как сверстница с этим парнем. Я хочу, чтобы ты о нем все знала. Слышишь? Все!

Надя (протягивает ему фотографию). Я не хочу. Вы так говорите, что я не хочу. Его уже нет. Есть вы. А про вас я все знаю.

Лавров. Он есть. Он сидит во мне, как гвоздь, у которого отломилась шляпка. И его не выдерешь никаким электромагнитом.

Надя. Я лучше пойду. Мне надо побегать по звездам и сделать спектральный анализ кольца Марса.

Лавров. Нет. Я хочу, чтобы ты опустилась на Землю. Иногда человеку надо опускаться на Землю.

Надя. Хорошо. Только на Земле меня ждет отец. Его надо покорить. Иначе он котлету положит в суп и скажет, что я не умею готовить.

Лавров. На Земле есть и этот парень. (Кивает на фотографию.).

Надя (смотрит фотографию). Она разрезана пополам?

Лавров. Да.

Надя. А кто стоял рядом?

Лавров. Отец.

Надя удивленно поднимает глаза на Лаврова.

(Некоторое время молчит. Потом начинает говорить — глухо и волнуясь.) Я всегда думал, что мы живем плечом к плечу — отец и я. Иногда мне казалось, что я сильнее. Что он устал. Он прошел всю гражданскую, командовал дивизией. Отступал, терял людей. Потом наступал и тоже терял людей. Наверное, терять людей — это очень страшно... (Смотрит на Надю.) Ты должна встретиться с этим парнем. (Показывает на фотографию.)

Затемнение. Свет. Это происходит мгновенно. Надя стоит на том же месте. Возле письменного стола, у которого только что стоял Лавров, стоит молодой парень, почти ничем не напоминающий Лаврова. Из репродуктора-тарелки, висящей на стене, с легким дребежжанием вырывается песня «Бандыра роса».

Парень. Я всегда думал, что мы живем плечом к плечу, отец и я. Иногда мне казалось, что я сильнее. Он прошел всю гражданскую, командовал дивизией. Отступал, терял людей. Потом наступал и тоже терял людей. Наверное, терять людей — это очень страшно. Когда он мне рассказывал это, мне хотелось, чтоб у меня были железные плечи. Потому что было так, как будто он падает. И он действительно клал руку

мне на плечо. А когда я поступал в комсомол, мы с ним проговорили всю почь. Он сидел за письменным столом, а я стоял. И было так, как будто я давал присягу. Он мне говорил, что будет трудно. Очень трудно. Что впереди огонь и бой. И если чуть-чуть засомневаться, то можно потерять все.

Надя (тихо). И жизнь?

Парень. Жизнь?.. Тогда как раз началось в Испании. Я спросил, отпустил бы он меня туда. Он помолчал, а потом сказал: «Да. Конечно». И еще он сказал: «Учи, теперь тебе надо серьезнее и больше думать о жизни. Чтоб не потерять ее». Я спросил: «А если пуля?..» «Это другое дело,— сказал он.— Если пуля — жизнь не теряют, ее отдают». А потом я устал. И облокотился сзади на его плечи. И так мы побыли еще немножко. Я думал про него, а он, наверное, про меня. Два месяца назад его арестовали. Он запутался в связях с врагами народа. Предатель!

Надя. Не смей! Слышишь? Не смей! Это неправда!

Парень. Тсс! С ума сошла? У нас соседи.

Надя. Но он делал революцию! Ты сам рассказывал, как он брал штаб юнкеров, где теперь кинотеатр «Художественный».

Парень. Да. Он делал революцию. Потом он делал тракторы. Он был инженером.

Надя. Был?

Парень (жестко). Для меня уже был. Вот. (Хватает со стола листок, вырванный из ученической тетради, потрясают им.)

Надя. Что это?

Парень. Я отрекаюсь от отца. Я комсомолец. Слышишь? Я комсомолец. Это мне дороже всего. Так и отец говорил, что это — дороже всего.

Надя. Так не мог говорить предатель. Это ложь!

Парень. Это правда. Взрываются шахты. Под откос летят поезда. Убит Киров. За нашей спиной стоит тень с пистолетом и бомбой. Их оказалось очень много, таких, как отец.

Надя. Но он твой отец!

Парень. Биологическое чувство.

Надя. Не смей!

Парень. Думаешь, мне это просто?.. (Показывает на листок.) Когда я был у следователя, с какой болью этот чужой человек говорил об отце... о его прошлом... о том, как его опутали и заставили работать на них. (Устало опускается на диван.) Надя. Это ложь!.. Слушай, ты! Пройдет двадцать лет, все изменится. Твой отец ни в чем не виноват! Слышишь?.. Ну как, как тебе объяснить?.. Это ложь, это огромная ложь!

Парень (устало). Не ори. Это правда. Ты — девчонка! Что ты знаешь про то, что будет через двадцать лет!

Надя. Но я...

Парень. «Я», «я»!.. Не ты, а я видел своими глазами признания отца. И его подпись. Последняя страница была исписана до половины, и подпись стояла не в конце страницы, а там, где кончалось признание. Это чтобы следователь не приписал еще что-нибудь. «Отец!» Он потерял все, даже доверие к людям. Он не отдал жизнь. Он потерял ее. (Сжав кулаки, срывающимся мальчишеским голосом.)

«Мы пройдем через это.

Как окурки, мы затопчем это.

Мы, лобастые мальчики невиданной революции,

В десять лет — мечтатели.

В четырнадцать — забияки и поэты,

В двадцать пять — внесенные в смертные реляции.

Мое поколение — это зубы сожми и работай.

Мое поколение — это пулю прими и рухни.

Если соли не хватит — хлеб намочи пόтом...».

Это написал один из наших, студент ИФЛИ. Он немножко старше. И у него тоже впереди огонь и бой. И поэтому — «в двадцать пять — внесенные в смертные реляции». Но под этими стихами можно стоять. Как под знаменем. Насмерть. И выстоять даже предательство отца.

Надя. Это была не его подпись!

Парень. Ты что? Я отлично знаю его подпись. Десять лет он подписывал мне дневники. Вчера меня вызвал комсорг факультета. Он сказал, что я должен отречься от отца. Нас на факультете несколько таких. И всем он сказал, что у нас в

стране дети за отцов не отвечают. Только надо отречься.
Наши заявления прочитают на открытом комсомольском.
И тогда нас не отчислят.

Надя. Что ты делаешь?.. Ты же ничего не знаешь!

Парень. Я знаю. Я знаю, что в прошлом году пал Мадрид.
Я знаю, что там было много наших, которые сегодня — слышали,
сегодня — отдавали кровь за революцию. А в это время
отец помогал тем, кто их давил танками. (Потрясает листком.) Я это сделаю. Я не хочу жить с опущенными глазами.
Не отречься от отца — это значит отречься от всего, чем я живу. Это значит предать, как отец.

Надя. Боже мой! (Закрывает лицо руками.)

Парень. Мы вместе читали Эйнштейна по-немецки. «Альберт
Эйнштейн. Майн Вельтбильд. Амстердам». Отец хорошо знал
немецкий язык. Лучше бы он его не знал. Лучше бы он погиб
на гражданской. Однажды он мне рассказал, как потерял
в бою под Киевом две трети дивизии. Он тогда хотел застреляться.

Надя. Ты понимаешь, что говоришь?

Парень. Он бы остался человеком.

Надя. Ты просто боишься! Боишься, что тебя отчислят. Ради чистой анкеты ты предаешь. Это ты предатель!

Парень. Анкета?.. Я не дурак. Я понимаю, что анкета у меня
все равно не будет чистой. Но это неважно. (Шепотом.) Я бы
очень многое отдал, чтобы все было так, как ты говоришь. Но я
не могу не верить. Не верить — значит не жить. Я могу умереть.
Но не жить я не могу. Слышишь? Не жить я не могу.

Надя. И ты будешь жить с этим?.. (Вырывает у него из рук листок, рвет его.)

Затемнение. Свет. На диване сидит сегодняшний Лавров. Перед ним стоит Надя с фотографией в руках.

Жить с этим!

Лавров. Если бы рядом была ты. Но рядом была другая. Очень
похожая на тебя, но другая. Она была с нашей бригадой.
И она не порвала этот листок. Впрочем... впрочем, я не знал...

если бы тебе было тогда столько лет, сколько сейчас... порвала бы ты? Тогда?

Надя. Спрячьте! (Отдает ему фотографию.) Спрячьте. Я не хочу.
Я не люблю его. Спрячьте.

Лавров. Куда? Куда я его спрячу?

Надя. Я пойду. До свиданья. (Стремительно уходит.)

*Слышно, как в подоконник ударила одна капля дождя, другая.
За окном начинает идти дождь. Все гуще и гуще. Дождевой занавес... Он смывает очертания комнаты. Появляется мчащаяся на нас такси. Лавров и таксист. У Лаврова в руках фотография. Он задумчив. Протягивает фотографию водителю.*

Лавров. Похож?

Таксист. На кого?

Лавров. На меня.

Таксист. Ни капли. Это кто, ваш сын?

Лавров. Нет. (Усмехается.) Друг. Друг детства.

Таксист. Почему же он должен быть на вас похож?

Лавров. Это я так. Пошутил.

Таксист. А!

Лавров. А как ты относишься к людям?

Таксист. Очень просто — я их стараюсь не задавить.

Лавров. Можно позавидовать, как просто.

Таксист. Только не надо оглядываться.

Лавров. А я часто оглядываюсь.

Таксист. Оглянешься — задавишь.

Лавров. Это обязательно?

Таксист. Нет, конечно. Только лучше не оглядываться.

Лавров. Значит, смотреть вперед?

Таксист. Это моя работа — смотреть вперед.

Лавров. Это самая трудная человеческая работа — смотреть вперед, чтобы никого не задавить.

Таксист. Мы, водители, к ней привычны.

Лавров (с некоторой завистью). Водители!..

Таксист. Четыре месяца — полный курс. И водитель. Вас-то, пожалуй, уж и не примут.

Лавров. Да, меня, пожалуй, уж и не примут.

Таксист. Ну, может, па любительские права...

Лавров. А обязанности, они тоже «любительские»?

Таксист (*вдруг обидевшись*). Я вам про автошколу, а вы — про что-то другое.

Лавров. Извини. Я же хотел тебя обидеть. Это я просто завернул в один из уголков своего сердца.

Таксист. Сделали наезд на человека?

Лавров. Вроде того.

Таксист. Могу на пять минут исчезнуть и притащить выпить. Помогает. Хотите?

Лавров. Нет, не хочу.

Таксист. Вот мы едем с вами, а я воображаю: вы — генерал Лукач, а я ваш шофер. И мы летим по почтому Мадриду. И разговариваем про постороннее, потому что все остальное — стратегическая тайна.

Лавров. Ты что? (*Выразительно крутит пальцем у виска*.) Потому генерал Лукач? Почему Мадрид?

Таксист. Мне поручили сделать ребятам доклад про испанские события. К дате. Общественная нагрузка. Вот, поднимаю всяющую литературуку. Интересно.

Лавров. И что же ты скажешь ребятам?

Таксист. Как — что? (*Начинает говорить монотонным голосом*.) «В одна тысяча девятьсот тридцать шестом году героический испанский парод...».

Лавров. Дурак.

Таксист. Я ведь могу и высадить.

Лавров. Что ты знаешь про Мадрид!.. (*Передразнивает*.) В одна тысяча девятьсот тридцать шестом году героический испанский парод... Щенок!

Таксист. Все. Платите по счетчику. Гривенник с километра. Можно без чаевых.

Лавров. Двигай. Двигай, тебе говорят! От генерала шоферу и не такое слышать приходится.

Таксист. Это верно.

Лавров. Мадрид!

Таксист (*«барабанным» голосом*). «Мадрид — город, столица Испании, расположенный в центре Пиренейского пограничного текстильный и промцентре текст кожев швейная промышленность аэропортов Барахас и др. музей Прадо с собр. испан и имел художников Энциклопедия словарь стр. триста четыре». Все.

Лавров. Я могу и убить.

Таксист. А что вы знаете про Мадрид? Неизвестно, что вы там были.

Лавров. Ты какого года?

Таксист. Тридцать восьмого.

Лавров. В тридцать восьмом арестовали отца моего друга.

Таксист. Этого друга? (*Кивает на верхний карман Лаврова, куда он спрятал фотографию*.)

Лавров. Да, этого. Он написал отречение от отца. По всей форме. Тогда была и такая форма.

Таксист. Сволочь.

Лавров. Можешь ругаться. Но тогда еще не было двадцатого съезда. А он был комсомольцем. Настоящим комсомольцем. Понимаешь? Но его тоже взяли. И втолкнули в камеру к врагам народа. Когда за его спиной звонил замок, с пар поднялся пожилой человек и спросил: «Мальчик, вы с воли?..» «Да,— ответил мой друг,— но я же хочу с вами разговаривать». И вдруг вся камера встала с пар. Это был мгновенный шорох. Будут бить, решил мой друг,— они озверили в своей вражде к честным советским людям. «Мальчик,— сказал пожилой... и мой друг услышал, как в лампочке под потолком что-то звенит.— Мальчик, Мадрид еще держится?..» *Пауза*.

Таксист (*дочень звонким голосом*). Что?

Лавров. Нет, ничего. Я молчу.

Таксист. Я расскажу ребятам про Мадрид.

Лавров. Да. Пусть они знают про Мадрид.

Таксист. А что пожилой?

Лавров. Его потом убили. Так же, как и отца. Это был Вилгис.

Старый большевик Ян Вилгис. Командир латышских стрелков.

Дождевой занавес. Он смывает очертания такси, и снова возвращают очертания комнаты. Это комната Риты Вилгис. Изразцовый камин, в который вмонтировано электричество. Торшер, пианино. Высоко на стене — антикварные часы с кукушкой. Со всем этим неделовым уютом резко контрастируют составленные холсты и мольберт. Рита стоит перед мольбертом спиной к двери. Она работает. К мольберту прикреплена фотография, с которой Рита пишет портрет. Входит Лавров, останавливается у двери. Рита поднимает кисть, но рука застыла в воздухе: Рита почувствовала, что за спиной кто-то стоит. Улыбнувшись, она продолжает работать.

Рита (*не оборачиваясь*). Это вы.

Лавров. Да.

Рита. Хорошо, что вы меня нашли.

Лавров. Я был на выставке. (*Проходит в комнату, не снимая пальто. Поворачивает один холст, другой. Рассматривает их.*)

Рита продолжает писать. Они разговаривают, каждый занимаясь своим делом.

Рита. Хотите открыть мою страну?

Лавров. Я был на выставке.

Рита. А если бы не выставка?

Лавров. Пришла из дождя женщина и растворилась в дожде. Но есть справочное бюро.

Рита. Значит, искали бы?

Лавров. Значит, искал бы.

Рита. Я не хочу суетиться и угощать вас. Ладно?

Лавров. Ладно.

Рита. Как волчонок? Продолжает в зубах приносить цветы?

Лавров. Она больше не приходит.

Рита. Был разговор?

Лавров утвердительно кивает.

После того, как я ушла?

Лавров. Да, после этого.

Рита. Я знала, что она стоит на улице и ждет, когда я уйду.

Лавров. Вы поэтому и ушли?

Рита. Мне показалось, вы поняли, что я не люблю драться.

Лавров. А если бы я вас не нашел?

Рита. Действительность намекает и подсказывает. Хотя намекать и подсказывать нехорошо, но... такова действительность. Она мне намекнула, что вы найдете меня.

Лавров (*усмехается*). У вас память, как у первой ученицы. С одного раза. На слух.

Рита. Теперь я знаю, что есть гром, который картавит, а есть гром, который твердо выговаривает «р». А вот дождем я себя никак не могу представить.

Лавров. А человеком?

Рита. В моей стране появился волк, который будет меня хватать за горло и в результате загрызет?

Лавров. Вам надо, чтобы вас иногда хватали за горло.

Рита. Это серьезно?

Лавров. Я думал, здесь у вас все другое. (*Жест на холсты.*)

Рита. Думали, я живу двойной жизнью? Одни картины для выставки, другие для друзей? У меня нет платьев с карманами.

Лавров. При чем здесь карманы?

Рита. Некоторые обзавелись карманами, чтобы держать в них куклы.

Лавров (*становясь за спиной Риты, наблюдает за ее работой. Кивает на фотографию*). Лучше ее увеличить и выставить. Будет честнее.

Рита молчит.

(Продолжает разглядывать фотографию.)

Правда, она нуждается в ретуши. А что, за ретушерскую работу платят меньше, чем за это? (*Кивает на холст, над которым трудится Рита.*)

Рита молчит.

А вы не пробовали вырезать силуэты из черной бумаги?

Моментально, не отрывая ножниц, и потрясенная модель выкладывает пятьдесят копеек.

Рита (берет кусок черной бумаги, ножницы и, глядя на Лаврова, вырезает силуэт. Протягивает его Лаврову). Это вам на память. Даром. А теперь убирайтесь!

Лавров снимает пальто, бросает на спинку стула, садится.

(Закуривает, становится перед Лавровым.) Ну, сильный мужчина, что дальше?

Лавров (обводит руками комнату). Недурная фотолаборатория. Рита. Я думала, вы добре.

Лавров. А почему я должен быть добрым, если вы у меня сегодня украли радость? Когда я подхожу к картине, я всегда волнуюсь. Потому что я подхожу к волшебному окну. Я смотрю в это окно и понимаю, что до сих пор я в жизни не замечал очень много прекрасного. А художник заметил и распахнул передо мной это окно. Он подарил мне радость прозрения. А сегодня я ходил по вашей выставке, и у меня было такое чувство, что я не прозреваю, а слепну.

Рита. А вы бы хотели, чтобы моя выставка сопровождалась скандальным успехом? Я не абстракционист!

Лавров. Вы ловко копируете солнечный свет, но не радуетесь ему. У ваших людей (кивает на холст) ровные зубы и одинаковые улыбки. Но они никого не любят и ничего не ненавидят. Они существуют, как точно выписанные некие абстрактные люди. Вы абстракционист!

Рита (усмехается). Это ново! Меня иногда называли лакировщиком действительности.

Лавров. Если вы так думаете, это самонадеянно. Действительность не поддается лакировке. Она — действительность! Залакировать можно свое представление о ней. И тогда это будет некое абстрактное представление о действительности. Да-да! Вы — абстракционист. Сквозь ваших людей не проходит время. Время — это ток высокого напряжения. Когда оно проходит сквозь человека — человек загорается. И светит. А ваши картины темные, хотя в них много копированного света.

Рита (сухо). Что дальше?

Лавров. Это я у вас должен спросить: что дальше? Вы привыкли катить на зеленый свет. И вот (показывает на фотографию) докатились. А этому дали красный свет. Но вы не заметили.

Рита. С меня полагается штраф?

Лавров. Вокруг вас надо хлопотать и приводить вас в чувство: вы попали в аварию.

Рита. Искусство — не автострада. По этой дороге ездят на красный свет. Поэтому там часто бывают штрафы и аварии.

Лавров. Крутитесь?

Рита (с вызовом). Кручусь. Все время кручусь. Чтобы пайти точку опоры. Не для того, чтобы перевернуть землю, а для того, чтобы устоять на земле.

Лавров. Зачем так? Вы же человек. Индивидуальность. Вы это знаете!

Рита. Индивидуальность? Я знаю, что в мире нет двух одинаковых берез. Говорят «как две капли воды». Но двух одинаковых капель не бывает. Каждая корова в стаде индивидуальна. Об этом пишут в пособиях по скотоводству, в газетах. Это очень важно знать каждому скотоводу! А я человек. Но профессии человековода не существует. И нет пособий по человеководству. Поэтому считать себя индивидуальностью нельзя. Нескромно! Когда я подхожу к пустому холсту и он стоит передо мной, как мое молчание, я боюсь сделать первый мазок, я боюсь произнести первое слово. Чтобы оно не было индивидуальным! А потом произношу. И говорю, как все. Талант — это диалект. Вроде бы знакомый язык, а что-то в нем непонятно. И это раздражает. Я не хочу никого раздражать. Не хочу! Слышите? У меня весьма скромные возможности.

Лавров. Врете.

Рита. Вы были на выставке, сейчас вы у меня дома. Верьте глазам своим.

Лавров. Есть такой подленький вид скромности — скрывать свой талант, чтобы не раздразнить посредственность, которая окапливается рядом.

Рита. Посредственность — хищник: она завистлива и клыкаста.

Лавров. Боитесь?

Рита. В детстве я была очень храбрая. Я рисовала добрых спящих зверей. Когда я давала кому-нибудь полистать свой альбом, я говорила: «Только листайте осторожнее, а то они проснутся!» Я думала, что волков, тигров и крокодилов кто-то назначил хищниками и они просто работают хищниками. А когда они засыпают, они становятся самими собой: добрыми спящими зверьми. Я бы могла стать хорошим анималистом. Для сказок!

Лавров (задумчиво). Я не могу открыть вашу страну.

Рита. Она вся на виду: камин, пианино, часы с кукушкой.

Лавров (смотрит на часы). Без десяти час. Они стоят.

Рита (не без иронии). Два раза в сутки, когда бывает без десяти час, они показывают точное время. (Подходит к нему вплотную, другим тоном.) Мне их просто очень высоко заводить. Честное слово.

Лавров молчит.

Вы — железный?

Лавров. Я не могу открыть вашу страну.

Рита. Она перед вами. (Обводит руками комнату.)

Лавров. И все?

Рита. Нет. Еще вы.

Лавров. А ваши картины? (Киваает на холст.)

Рита. В моей стране я хочу жить своими чувствами. Своими, а не теми, которые мне навязывают. И ни о чем не думать.

Лавров. А о чем вы думали, когда писали портрет седого человека? Человек стоит так, словно оттуда, с той стороны, схватился за раму и хочет перемахнуть через пес. И оказаться здесь. Чтобы драться с тупостью, с хамством. За вас. За меня. За хорошие картины. За правду. За Советскую власть.

Рита (тихо). Это портрет отца. Я рада, что вы его заметили. Сейчас отец реабилитирован. А в сорок третьем меня за него выгнали. Я работала на заводе. Токарем. Бросила институт, чтобы делать реальные вещи. Война! Я работала по две смены, спала в цеху. Пятого декабря меня вызвали в отдел кадров.

Был День Конституции. В цеху читали передовую «Правды». В ней повторялись красивые слова о том, что дети за отцов не отвечают. А у меня в этот день отобрали хлебную карточку. Тогда мне очень нужны были глаза отца. И я написала их. Я писала его глаза и свои глаза. Да, он хотел выбраться из картины ко мне, к нам. Но он не мог. Я это тоже написала. Я первый раз выставляю этот портрет.

Лавров. Я знал вашего отца. Очень хорошо. У нас были доски рядом.

Рита (решительно). Доски?

Лавров. Да. Каждому заключенному — доска. Нары были разделены на доски. Лечь на спину — это две доски. Или две с половиной. Но полагалась одна. Можно было лежать только на боку. И вытянувшись. Мы лежали рядом.

Рита. И вы... тоже там... Но ведь вы — мальчишка... Простите. Я думала — вы просто талантливый неудачник, а вы...

Лавров. Это было в сорок первом. За вашим отцом пришли.

Рита. Хотите чаю? Я поставлю чайник.

Лавров. В камере не было окна. И постоянно горела лампочка. Но я думаю, что это было ночью.

Рита. У меня есть торт. Вафельно-шоколадный. Его очень трудно достать. Знаете, мне повезло...

Лавров. Мне кажется, ваш отец не спал. Потому что он встал не так, как встают разбуженные люди. Он встал сразу. Он уже был готов. И у него были такие глаза, как на вашей картине.

Рита (зажимает уши). Я не хочу. Не надо. Я не хочу.

Лавров (берет ее руки, отнимает от ушей). А я хочу.

Рита. Вы злой человек.

Лавров. Да. Но эта злость — доброта к вам. Вы должны встретиться со своей юностью. Сейчас, именно сейчас. Мы, мальчишки и девчонки конца тридцатых годов, мы должны иногда хватать друг друга за шиворот. И встрихивать.

Рита. Я не хочу встречаться со своей юностью. Не хочу! Тогда, в юности, начальник отдела кадров мне предложил отказаться от отца. На столе была нераспечатанная бутылка с чернилами, которыми он писал революции: наискось, поперек ан-

кет, поперек людских судеб. Я пустила эту бутылку ему в голову. Он увернулся. Бутылка попала в портрет за его спиной, грохнулась о раму. Начальник кричал на меня дурным кошачьим голосом... Я не хочу встречаться со своей юностью!

Лавров (*берет ее за плечи*). У вас живое человеческое сердце.

Разве оно бывает, чтобы просто отработать положенный срок?

Рита. Я донашивала второе сердце. Когда-то я носила детское сердце. Довольно долго. Я уже выросла из него, но продолжала носить. Оно было трепетным и доверчивым. И это, наверное, было так же смешно, как если бы в сорок лет я носила платьице, пошитое в пятом классе. Но теперь я ищу взрослое сердце. Такое добродорядочное и стандартное, как будто я его купила в «Мосторге». Даже не из-под прилавка, а из тех, которые залеживаются на полках. А потом поступают в отдел уцененных товаров. Кажется, я его там и купила. По дешевке.

Лавров. Вы правы: с уцененным сердцем жить проще.

Рита (*сбрасывает его руки с плеч*). Вы — запрограммированная машина! Что вы, в таком случае, знаете о человеческих сердцах!

Лавров. Что они — человеческие! Они гонят не только кровь. Каждый удар такого сердца — это минута вперед. И из этих минут складывается время. Это оно, отсчитанное сердцами наших отцов, двинуло мое поколение в амурскую тайгу. И там возник город. Я его не строил, но это мой город! Мои ладони томились в ожидании весомых вещей. Это мог быть вес ватманского листа, пад которого склонялись бы прорабы Магнитки. Это мог быть вес камня, который лег бы в Днепровскую плотину. Там пел моего кампия. Но Днепровская ГЭС светит. И это светит мое поколение. Вы сказали: «железный». Да, когда-то я думал, что время отцов сделало меня железным. Но есть такое понятие: усталость металла. Железо устает. Оно ржавеет и превращается в лом. У меня нет права на усталость. У меня нет права на обиду, которая разъедает, как ржавчина. Я — рядовой поколения. Нам достались пули, осколки мин, инфаркты. Но нам досталось и другое — быть лобастыми мальчиками невиданной революции. Поэтому

каждый удар нашего сердца — это минута вперед. И из этих минут складывается время. Это оно послало моих учеников в Кулунду. Нет-нет, я никогда не приносил им в портфеле кусочек пар розовых очков. Но когда они мне написали из Кулундинской степи, что там вырос палаточный город под названием «Бригантина», — я понял, что моя бригантина взяла точный курс. И романтический парус превратился в суровое полотно целинных палаток. И еще я понял, что есть цепная реакция сердец — от поколения к поколению. А вы... вы двадцать лет прятали портрет отца!

Рита (*с вызовом*). Да. Прятала! Я его представила на диплом и получила двойку. После этого меня прорабатывали при каждом удобном случае. Только когда я превратила свою кисть в фотографический аппарат, меня оставили в покое!

Лавров. Вас оставили в покое? Это вы оставили в покое тех, кому покой дороже всего. Двадцать лет вы подходили к холсту и, озираясь, обворовывали людей. Чтобы кому-то было спокойно! Вы должны встретиться со своей юностью.

Рита. Зачем? Чтобы начать все сначала? Я не хочу на ветер, который режет глаза.

Лавров. А бригантина?

Рита (*упрямо*). Это память. Это только память. Это так, как читать про полярные путешествия у теплого камина, поджав ноги в кресле.

Лавров. А за моим окном шумит парус. Теперь часто. И ветер, который режет глаза. И каждый раз, когда я выхожу на новый перекресток, я встречаюсь с тем парнем, которым я когда-то был. И я испытываю его. А он — меня.

Рита. Вы сейчас на перекрестке?

Лавров. Да. На перекрестке. (*Задумавшись, опускает голову*.)

Рита (*осторожно трогает его за рукав*). Не надо. Не надо сейчас встречаться с тем парнем. Он вас уведет от меня.

Лавров. Эта комната — как болезнь. И вы — как болезнь. Я здесь полчаса. Вшел и присел. А теперь встал. И мне надо спасаться ходить, как после долгой болезни.

Рита (*улыбается*). Бедный заразившийся доктор! Вы будете

учиться ходить здесь. (*Обводит руками комнату.*) В этой маленькой стране.

Лавров. Здесь слишком тепло и уютно. Сюда можно забиться. А жить надо там. (*Показывает на занавешенное окно.*)

Рита. Разве это плохо, когда тепло и уютно? Вы научитесь ходить здесь.

Лавров. Но тогда я буду ходить иначе, чем ходил всю жизнь.

Рита. С возрастом может измениться и походка. Это естественно. Лавров. А бригантина?

Рита. Разве мало красивых и грустных памятников в нашем сердце?

Лавров. И отец?

Рита. Да. И отец. И бригантина. Это будет самый красивый и грустный. В жизни каждого человека наступает день, час, миг, когда надо попрощаться со своей юностью. И тогда все сразу становится легче.

Лавров. Я не хочу, чтобы легче.

Рита. Это просто привычка таскать тяжести. Привычки тоже надо менять.

Лавров. С возрастом.

Рита. Да.

Лавров. С возрастом я все чаще советуюсь со своей юностью. И учусь у того парня.

Рита (зло). С возрастом иногда впадают и в детство.

Лавров. Не злитесь. Я должен с ним встретиться.

Рита. Хотите, мы устроим праздник? Настоящий праздник прощения с тем парнем. Это будет весело и грустно. И мы выпьем за него, прошедшего. И наивного! (*Стремительно открывает крышку пианино, быстро наигрывает мелодию, поет.*)

«Пьем за яростных, за непохожих,
За презревших греческой уют.

Вьется по ветру веселый Роджер,
Люди Флинта песенку поют!..»

Лавров протестующе поднимает руку. Рита смолкает, подходит к нему.

Лавров. Я должен с ним встретиться.

Рита (тихо). Зачем?

Лавров. Чтобы увидеть, как он открывает дверь. И уходит.

Рита. Вы хотите уйти?

Лавров. Да.

Рита (не без иронии). В ветер, который режет глаза?

Лавров. Да.

Рита (тихо). Зачем?

Лавров. Чтобы ваш отец перемахнул через раму. И жил. У нас должны быть его глаза. Такие, какими вы их написали. (*Очень тихо.*) Если мы превратим наших отцов в памятники — мы их убьем второй раз. И тогда за их смерть будем отвечать мы. Только мы.

Рита (поднимает пальцы к вискам). Не кричите. Это — пафос. Разве мы донкихоты?.. Я поставлю чайник. У нас есть вафельно-шоколадный торт...

Медленно гаснет свет. Лавров стоит задумавшись.

(Держит его за руки. Устало и с отчаянием.) Не надо... Не надо встречаться с тем парнем!..

Свет гаснет. В темноте начинает разгораться маленькое семечко огня. Блиндаж. Грубо сколоченный стол. На столе — тусклая керосиновая лампа. Пайка сухарей и кружка с водой. Молодой Лавров — тот парень, которого мы уже видели. На нем заляпанная глиной шинель, без ремня, с подвернутыми рукавами, явно не по росту. Обмотки. Ботинки, тяжелые от налипшей глины... Он ест сухарь и запивает из кружки. Перед ним — задумавшийся Лавров. Такой, каким мы его только что оставили в комнате Риты.

Парень. Мне скоро уходить. Я должен разминировать тропу для разведки. Разведчики в соседнем блиндаже. Они ждут.

Лавров. Я знаю. Но я должен был прийти именно сейчас. Перед этим.

Парень. Зачем? Ты мне хочешь сказать что-нибудь неприятное?

Лавров. Мы с тобой всегда говорим что-нибудь неприятное друг другу.

Парень (*не без ехидства*). Ты профессор? Ты добился всего? У тебя выходят книги?

Лавров. Вот ты и начал говорить мне гадости. Ты же знаешь, я — не профессор. Я учитель физики. В средней школе. И я не уйду отсюда, потому что я пришел не для этого разговора.

Парень. Ах да! Прости. Я забыл: ты — неудачник. Есть такая порода людей. Неудачники. Я их не люблю. Потом, наверное, полюблю. И буду оправдывать их неудачи всяческими обстоятельствами.

Лавров. Мне только что сказали, что я — талантливый неудачник. Я это пропустил мимо ушей. И сейчас я это пропускаю мимо ушей. Об этом мы поговорим с тобой после, когда ты будешь немножко старше.

Парень. Не разговаривай со мной так спокойствительно. Ты отлично знаешь, что я прав.

Лавров. Хватит!.. О чем ты сейчас думаешь?

Парень (*удивленно*). Разве ты не помнишь? Я убиваю в себе чувства.

Лавров. Убиваешь в себе чувства? Почему? Я забыл, что в двадцать три года убивал в себе чувства.

Парень (*встает*). Мне пора.

Лавров. Не обижайся. Прошло двадцать лет. И я забыл.

Парень выразительно на него смотрит.

(*Погирает лоб.*) Я вспомнил. Ты действительно убивал в себе чувства. Ты в штрафбате. Ты очень любишь родину. И жизнь. И людей. Но тебе не верят, что ты любишь родину. Тебя используют как некую мускульную силу. И не очень-то думают о твоей душе. И о твоей жизни. Да, тебе трудно жить с чувствами. Но разве ты смог их убить?

Парень. Мне пора.

Лавров. Да. Пора. Через час ты разминируешь тропу для разведчиков. И вздохнешь с облегчением, потому что страх будет позади. Не притворяйся — мы ведь одни, — это все-таки страшно: ночью ползти в мокрой глине и на опушке выдерги-

вать взрыватели из немецких мин. И ты вздохнешь с облегчением. И тогда у тебя скользнет пога — и ты подорвешься на мине, которую не заметил. В какую-то долю секунды ты все поймешь. И это будет такая доля секунды, которую потом уже никогда не забыть. И еще ты поймешь в эту долю секунды, что если бы не ты, то кто-нибудь из разведчиков. И это будет последнее чувство доброты к людям. Потому что потом — тьма. И надолго.

Парень (*тихо*). А потом?

Лавров. Потом — награда. Нет, не орден. И даже не медаль. Ты — штрафник. Лагерник. Доброволец оттуда. Другая награда. Тебя примут обратно в люди. И в жизнь. И пусть много лет хирурги время от времени, как тракторы, будут перепахивать твоё тело и тащить из тебя осколки. А последний ты будешь сам тащить из себя электромагнитом. Пусть. Но тебя примут обратно в люди. И не надо будет убивать в себе чувства. Это же худший вид самоубийства! А теперь ступай. Маша ждет. И ждет тот кусок глины, который скользнет под твоей подметкой.

Парень. Ты волшебница. У тебя перекресток?

Лавров. Да.

Парень (*с паивным любопытством*). Женщины?

Лавров. Да. Но не только.

Парень. Ты мне ничего не рассказываешь о своих отношениях с женщинами.

Лавров. Я люблю. Это случилось мгновенно. С размаху. Я не знал, что так бывает. Я думал: любовь — это сто тысяч частых ударов сердца. А удар был один. Огромный. Как разрыв миры. Но меня захлопнуло в уютной комнате с остановившимися часами. И мне надо уйти. Я должен уйти. Но я не знаю, как уйти.

Парень. А та, другая? Ведь есть и другая?

Лавров. Да. Есть. Другая — это сто тысяч частых ударов сердца. Это — Бегущая по Звездам. Она взлетела с моей ладони. И она сейчас твоя ровесница. Твоя, а не моя. Я показал ей тебя, когда тебе было девятнадцать. И она тебя презирает.

Парень. Есть за что.

Лавров. Я тебя не виню. Ты был честен.

Парень. Зачем ты здесь?

Лавров. Я должен увидеть, как ты уйдешь. Мне это очень нужно.

Парень. Разве это похоже? Ты должен уйти из уютной комнаты, а я...

Лавров (перебивает). Да, похоже. Я должен уйти так, как будто за дверью — ночь. И мокрая глина. И нельзя думать о себе.

Потому что, если думать только о себе,— ни за что не уйдешь.

Парень. Мне пора.

Лавров. Да. Пора. Я рад, что ты сейчас уйдешь. Мне с тобой трудно. И мне нужно увидеть, как ты уйдешь.

Парень засовывает в карман шинели остаток сухаря, делает последний глоток из кружки и, покровительственно похлопав Лаврова по плечу, спокойно выходит из блиндажа.

Лавров один. Медленно гаснет свет в керосиновой лампе. Дождь. Дождевой занавес, в нем проступают очертания машигающегося такси. Лавров и таксист.

Таксист. Значит, были и на фронте.

Лавров. Да, был.

Таксист. Многое с тех пор вокруг переменилось. Даже трудно, наверное, представить.

Лавров. «Не дивись, путник, чудесам заморским, храмам и дворцам людским, а дивись переменам, происшедшими в сердце твоем»...

Таксист. «Всемирный путешественник».

Лавров. За тысяча восемьсот шестой год.

Таксист. Надо почитать.

Лавров. Почитай.

Таксист. Смешно, что я вас хотел в Загорск.

Лавров. Да. Смешно.

Таксист. И что вы — поэт. Тоже смешно.

Лавров. Пожалуй, это не так смешно, как тебе кажется.

Занавес

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Из дождевого занавеса проступают очертания машигающегося такси. Лавров и таксист.

Таксист. Смешно, что я вас хотел в Загорск.

Лавров. Да. Смешно.

Таксист. И что вы — поэт. Тоже смешно.

Лавров. Пожалуй, это не так смешно, как тебе кажется.

Таксист. Почему?

Лавров. Потому что каждый внутри немного поэт. Иначе как заглянуть в свое сердце?

Таксист. А зачем? Все просто. Два желудочка. Два предсердия.

Вена. Аорта. Проходили в школе по анатомии. Работает, как мотор иностранной марки.

Лавров. Почему — иностранной?

Таксист. Потому что нет запчастей. Работа на износ.

Лавров. Запчастей к нему действительно нет. У тебя-то оно еще новенькое. Под пломбой.

Таксист. В нераспечатанном виде.

Лавров. Может быть, ты даже не знаешь, что такое — по зову сердца.

Таксист. Это у нас в парке часто: когда сверхурочные без оплаты.

Лавров. Ну-ка, помолчи.

Таксист. Вы что, серьезно?

Лавров. А я тебе — про Мадрид. Про блиндаж. Может, зря?

Таксист. Нет, не зря. Про Мадрид не зря. И блиндаж. Это здорово. Когда мокрая глина. И ночь. И надо разминировать.

Тогда легче: сухарь в зубы — и пошел. И с распечатанным сердцем.

Лавров. Эй, парень, а у тебя-то в нем что происходит?

Таксист. А ничего. Оно же у меня еще новенькое. Под пломбой.

Лавров. И с ограничителем?

Таксист. А как же.

Лавров. Далеко не уедешь.

Таксист. А мне далеко не положено. Работаю в зоне определенного километража.

Лавров. Я про сердце.

Таксист. Я тоже не про светофор.

Лавров. Для чего бережешь?

Таксист. Для Мадрида. Для блиндажа. Или думаете, не будет?

Лавров. А ты не так прост.

Таксист. Вы-то были попроще.

Лавров. Да. Мы были попроще. Но ты прав. Когда почь, и мокрая глина, и надо разминировать, тогда легко: сухарь в зубы — и пошел.

Дождевой занавес перекрывает такси. Проступают очертания комнаты Риты. Лавров и Рита. Они стоят так же, как мы их и оставили: Рита продолжает держать Лаврова за руки.

Моя юность снисходительно похлопала меня по плечу. И ушла. (Снимает пиджак, вешает его на спинку стула.)

Рита. Я поставлю чайник.

Лавров. Да. И торт. Это тоже отличная штука.

Рита. Есть коньяк.

Лавров. Прекрасно. (Подхватывает бутылку, брошенную Ритой.) «Пятнадцать человек на сундук мертвца, йо-хо-хо, и бочонок рому!» (Водружаает бутылку на стол, откупоривает.)

Оглянувшись на занятого этим делом Лаврова, Рита тихо прикрывает крышку пианино. Собирает на стол. Садится.

Рита. Я сегодня никуда не пойду. В семь часов обсуждение выставки. Но я не пойду.

Лавров. Да, не ходите.

Рита. Рецензия есть. Даже с моей фотографией. Зачем мне идти?

Лавров. Действительно, зачем? Можно парваться на мнение пахалов, несогласных с рецензентом.

Покачав головой, Рита промолчала.

(Поднимает рюмку.) Здоровье — это превосходная вещь. Будем здоровы?

Рита. Будем здоровы.

Лавров (не без иронии). Действительно, становится легче, когда юность уходит. Да еще снисходительно похлопав тебя по плечу. (Смотрит на Риту.) Скажите: «Счастье!»

Рита (не понимая, что затеял Лавров, механически повторяет). «Счастье!»

Лавров. Скажите: «У меня большая радость!»

Рита. «У меня большая радость!»

Лавров. А теперь я скажу. Слушайте!.. «Счастье!» «У меня большая радость!..» Слышите?

Рита. Что?

Лавров. Праздник в голосе.

Рита. Нет. Не слышу.

Лавров. За что же пить, если нет праздника в голосе?

Рита. Вы — трудный человек. Но я рада, что вы здесь. А праздник — он придет. Просто мы с вами немного помучили друг друга. И устали.

Лавров. Возраст?

Рита. Если хотите — да.

Лавров. А если не хочу?

Рита (улыбается). Вы пахохлились, как большая птица в маленькой клетке. Вас выпустить?

Лавров. Я буду клевать зерно с ваших ладоней. Разумеется, после дрессировки.

Рита. Мы еще не выпили.

Лавров. За что?

Рита. Неужели вдруг оказалось, что нам не за что выпить? (Поднимает рюмку.) Ваше здоровье!

Лавров. Здоровье — превосходная вещь! (Поднимает рюмку.) Чем больше за него пьешь, тем быстрее оно убывает.

Рита (*не выпив, ставит рюмку*). Вы — моралист?

Лавров. Вам предстоит встретиться с отвратительным характером. (*Помолчав.*) Много людей и событий проходят сквозь человеческое сердце. Но остаются в нем немногие. Там есть еще белые пятна. Поэтому можно делать открытия.

Рита. И что же вы там открыли?

Лавров. Ваши глаза. И голос. И руки, которые на куске холста умеют сотворить чудо. Но боятся это сделать.

Рита (*тихо*). Спасибо. Теперь, кажется, можно выпить.

Лавров. За руки, которые испугались?

Рита. У вас действительно отвратительный характер. (*Поднимает рюмку.*) За ваш характер!

Лавров (*поднимает рюмку*). За вашу юность!

Рита. Опять? (*Не выпив, ставит рюмку.*)

Лавров. Вы от нее прячетесь. Но она вас найдет через справочное бюро. Она потратит последний гривенник, по она вас разыщет. Войдет в эту комнату и сядет к столу.

Рита (*пытаясь острить*). И съест пирожок.

Лавров. Да. И съест пирожок. И наговорит вам гадостей. И вы будете слушать и терпеть, потому что все будет правдой. А потом она уйдет. У вас будет такой вид, что ей вас станет жалко. Она разозлится на себя за то, что ей вас стало жалко, и уйдет, хлопнув дверью. А вы останетесь. И будете думать.

Рита (*усмехнувшись*). Я и сейчас иногда думаю. Разве вы не заметили?

Лавров. Но это будут такие мысли, что вам придется глотать порошки от головной боли. Так произойдет ваша встреча с юностью.

Рита. Может быть, вы ее вызвали по телефону, как «скорую помощь»?

Лавров. Нет. Я ее не вызвал по телефону, как «скорую помощь». Но она придет.

Рита. Когда же?

Лавров. Сегодня. Завтра. Через десять дней. Через год.

Рита. Может быть, сейчас.

Лавров. Может быть, сейчас.

Рита. Ну? Где же стук в дверь?

Лавров. В дверь стучат. И довольно давно.

Рита. Разве? (*Прислушивается.*) Да, действительно. У нас испорчен звонок. Но это, наверное, к соседям. Я никого не жду. (*Однако встает и направляется к двери.*)

Входит Надя Очан. Рита делает беспомощно-приглашающий жест, отходит в сторону, садится. Некоторое время все молчат.

Лавров (*Наде, строго*). Зачем ты здесь?

Надя. Пришла в гости.

Рита (*Наде*). Садитесь.

Лавров. Если пришла в гости — садись.

Надя (*присев к столу*). Когда к нашему соседу, клоуну Донато, приходят в гости — он им показывает фокусы.

Рита. Я не умею показывать фокусы.

Надя. А что вы умеете?

Рита. Судя по вашему тону — ничего.

Надя (*нахально берет со стола пирожок, откусывает*). Вкусные пирожки. Сами пекли?

Рита. Нет. Купила.

Надя. Жаль. Я думала, вы хоть это умеете.

Рита (*Лаврову*). Я должна это терпеть?

Надя. А вы нетерпимы к правде? (*Наливает себе коньяк, но Лавров берет рюмку, отставляет.*)

Лавров (*Наде*). Ты что, была на выставке?

Надя. А что, выставка — это секрет? Газеты приходят с утра.

Рита. Но в газетах не печатают моего адреса. Я вам должна напомнить, что вы у меня в доме?

Надя. Да. И что здесь занавешено окно. И давно не говорили правду.

Рита. Здесь говорили правду.

Надя. Если говорили, то любя. И, значит, щадили. А я — не любя.

Рита. И щадить не будете.

Надя. Нет.

Рита. Слишком долгая подготовка, девочка.

Надя. Я не девочка. Я физик. Но меня учили он. (*Киваает в сторону Лаврова.*) И не только современной физике. Он научил меня слушать скрипку так, что внутри начинают плавать колючие льдинки. И дрожать от радости, когда запахнет ландышем. Когда я сегодня получила газету с вашей фотографией, я тут же помчалась на Кузнецкий. И боялась войти. Потому что я боялась вас полюбить. А когда вошла — у меня задрожали коленки и схватило здесь. (*Показывает на горло.*) Потому что я увидела портрет седого человека и поняла, что пропала. Я полтора часа смотрела ему в глаза. С такими глазами можно жить. И можно поднимать сжатый кулак и говорить «по пасаран». Или плыть на лодке к месту ядерного взрыва. Вы меня схватили за горло. Сразу. И я задохнулась. А потом я пошла по залам. И думала, что у меня розовый туман от слез. А это — от ваших картин. И я поняла, что портрет написал другой художник. Двадцать лет тому назад. А вы его сегодня украли. Знаете, что нужно сделать со всеми вашими картиками? Их нужно распилить на ровные кусочки, завернуть в синюю бумагу и продавать пачками в магазине без продавца. Люди будут класть эти кусочки в чай и не заметят даже, что это искусство. Или отжать. И долить газированной водой. Будет чуть розовое и шипеть. Но все с одного глотка скажут, что сироп не натуральный.

Рита сидит очень бледная, с широко раскрытыми глазами.

Конечно, в газете не было вашего адреса. Но у меня звенело в кармане: там стукались ключ и гривенник. Гривенник я отдала в справочное бюро. И у меня в кармане уже не звенит. (*Поболтала в кармане.*) Слышиште? А теперь скажите мне: все отсюда.

Рита молчит.

Ладно, я уйду сама. Чтобы мне не стало вас окончательно жалко. (*Уходит.*)

Лавров встает, надевает пиджак.

Рита. Почему вы сидели как истукан?

Лавров. Потому что та, у которой вы укралли портрет отца, сказала бы вам то же самое.

Рита. Я встретилась со своей юностью?

Лавров. Я же говорил, что она разыщет вас через справочное бюро.

Рита. Она ждет. Впизу.

Лавров. Да, ждет.

Рита. Уходите. Я не хочу, чтобы и вам стало меня окончательно жалко. Ну?.. (*Смотрит на Лаврова.*)

Дождевой занавес. Он смыывает очертания комнаты. Проступает улица. Вечер. Мелкий дождь. Лавров и Надя. Они идут.

Лавров (*с суровой интонацией*). Ну-с...

Надя (*быстро*). По-немецки — орех.

Лавров. Что?!

Надя. Дер пус — по-немецки значит «орех».

Лавров. А!

Надя. Б...

Лавров. С ума сошла?

Надя. Сошла. Сегодня три раза. Первый раз — когда получила газету. Второй раз — когда увидела вас на выставке и поняла, куда вы уходите. И третий раз — только что. (*Останавливается.*) Землянин! Где тут у вас сумасшедший дом? Мне, первое, надо туда?

Лавров. Тебе надо задрать юбку и падавать как следует.

Надя. Мне нельзя задирать юбку. Я женщина.

Лавров. Поросенок, вот ты кто.

Надя. Я не поросенок. Я — Бегущая по Звездам.

Лавров. Ты — бегущий по Звездам поросенок. Ты роешься посом в галактика и хрюкаешь от удовольствия.

Надя. Я хрюкаю не от удовольствия. Я хрюкаю потому, что дождь. И у меня, кажется, начинается пасмурк.

Лавров (*с любопытством, как бы заново присматриваясь к Наде*). А если ты выбила почву у нее из-под ног?

Надя (безапелляционно). У нее не было под ногами почвы. Была почва. А потом пьедестал. А потом она. Я выбила пьедестал. Теперь будет почва под ногами.

Лавров (с оттенком иронии). Умна!

Надя. Ваша работа.

Лавров. Постарался. Ты что?

Надя. Это я опять хрюкаю от насморка.

Лавров. Застегни пальто.

Надя. Забота о человеке?

Лавров. Забота о поросенке. (Поворачивает ее к себе, застегивает на ней пальто.) Я рад, что ты объявились. И что именно так.

Надя. Землянин! Я много думала о том парне с фотографии. И даже говорила с отцом. И я поняла: тот парень был очень честный.

Лавров. Я с ним часто встречаюсь. И мыссоримся. Он считает меня неудачником.

Надя. Ты ему стукни. И скажи, что это от меня.

Лавров. Ладно. Я дам ему в ухо и скажу, что это от тебя.

Надя (трагает пуговицы на его пальто). Землянин! Почему мне кажется, что, если сейчас на твоем пальто растянуть хоть одну пуговицу,— случится чудо?

Лавров. Потому что ты наслушалась марсианских сказок о землянах.

Надя. Наверное. У нас была небогатая марсианская семья, но все равно для меня держали старую марсианку, которая умела рассказывать сказки. И я смутно помню, как она мне рассказывала, что на Земле есть много волшебников. И все они ходят в наглухо застегнутых пальто. Потому что, если расстегнуть хоть одну пуговицу,— случится чудо. Но они очень скучные, эти волшебники.

Лавров. «Скупые» — это что, марсианское слово?

Надя. Нет. Это уже перевод на земной язык. А по-марсиански будет «жадные». Не жадничай, Землянин! Сделай мне чудо. Когда человек просит сделать ему чудо — ему надо сделать чудо.

Лавров. Хорошо. Я тебе открою, почему я хожу в наглухо застегнутом пальто.

Надя (замирая). Ну?..

Лавров. Во мне играет симфонический оркестр. Если я расстегну пальто — люди услышат. А мне почему-то стыдно. Хотя ничего такого в этом нет: идет себе человек, а в нем играет симфонический оркестр. Симфонический оркестр не сплетня, не ложь на друга. Я расстегну пальто... (Расстегивает пальто.)

И действительно начинает играть симфонический оркестр.
Надя чуть-чуть отступает, ошеломленно подняв руки.

Слышишь, о чем поют виолончели?.. Это — море. Люди думают о космосе и забыли о земных просторах. А они светлые и грустные. Грустные потому, что та, о которой думаешь не мыслями, а сердцем, всегда стоит на другом конце простора. Светлые потому, что та, о которой думаешь не мыслями, а сердцем, есть на этой удивительной и с утра незнакомой планете, которая называется Земля. И неважно, что над нами городской репродуктор и передают симфонию...

Надя (замахав руками). Не надо! Не надо про репродуктор. Я это возьму с собой. До свидания! Спасибо за чудо.

Лавров. На улице сырое. Подними воротник.

Надя (возвращается к нему, подходит вплотную). Вы оттуда ушли?

Лавров. Ты же видишь.

Надя. Совсем ушли? Вы не повернете обратно?

Лавров. Юным марсианам не полагается так много знать о землянах. Иначе юные марсиане не смогут делать открытый.

И тогда им станет скучно жить.

Надя. Да. Не делать открытый — скучно.

Лавров. Ступай. И ляг в постель.

Надя. Нет, я еще немного побегаю по звездам.

Начинает идти крупный дождь. Все гуще и гуще. Дождевой занавес. Из дождя проступают очертания комнаты Лаврова. Дождь идет уже за окном. Лавров один. Перед ним на столе стопка ученических тетрадей. Он их проверяет.

Лавров (*перелистывая очередную тетрадь*). Этот взлётит! Скро-
мен. Каждую пятерку воспринимает как чудо. И ждет ее.
Ибо, как все скромные,—тщеславец. Ладно, если человек ждет
чуда — надо сделать ему чудо. (*Ставит отметку, кладет тет-
радь, берет другую. Листает.*) Дорогая моя! Ну разве можно
так скучно мыслить в десятом классе? Ну да, все правильно.
Все до отвращения правильно! А это уж свинство — так па-
зубок знать учебник. И буквочки-то какие самоуверенные.
Рассчитываем на пятерку? Но это, дружок мой, физика, а не
чистописание. А физика — наука поэтическая. И формулу
надо ляпать не на ровном месте, а выводить ее как образ.
Как метафору. Будешь считать, что двойку схватила чудом.
Иногда человеку надо делать и такое чудо. (*Ставит отметку.*)

Стук в дверь.

Войдите!

Входит папаша Очан. Громадный старик в невероятно
просторном пиджаке, со шляпой в руках. Видимо, голос у него
тоже громадный. Сгасняясь его силы, папаша Очан гудит
вполголоса. Но все равно получается достаточно громко.

Папаша Очан. У вас пет Нади?

Лавров (*встает*). Нет. Здравствуйте.

Папаша Очан. Что? Ах да! Здравствуйте.

Лавров. Я вас помню. Вы — отец Нади. Но как вас зовут, я...

Папаша Очан. Папаша Очан. Меня зовут — папаша Очан. Мне
кажется, что меня так зовут с детства. А если человека зо-
вут с детства — папаша Очан, то в семьдесят лет он кто?

Лавров (*улыбается*). Папаша Очан.

Папаша Очан. Вы способный молодой человек. Значит, нет.
И не заходила?

Лавров. И не заходила. (*Вдруг встревожившись*.) Что случилось?

Папаша Очан. Почему обязательно должно что-то случиться?

Просто три дня тому назад она вернулась с сильным насмор-
ком. Что такое насморк? Когда в Кременчуге приходили с
насморком к доктору Вайнштейну, он говорил: «Вы очень хо-

рошо сделали, что пришли. Я дам вам капли, и у вас насморк
пройдет мгновенно. За семь дней. А если бы вы не пришли,
он бы мучил вас целую неделю». Но потом она начала каш-
лять, и я уложил ее в постель.

Лавров. Сбежала.

Папаша Очан. Скажите, вы все мысли читаете на расстоянии?

Лавров. К сожалению, не все.

Папаша Очан. Тогда еще можно жить! Но если бы вы прочи-
тали еще одну мою мысль, я бы не возражал.

Лавров. Садитесь.

Папаша Очан. Да, это то самое. В семьдесят лет, если только
представишь себе длинную улицу, сразу устаешь. А я по
ней прошел. (*Садится, кладет шляпу.*)

Лавров. Что я должен узнать еще?

Папаша Очан. Вы очень стремительны. А я стар. И думаю
медленно. Можно подумать?

Лавров. Учитель не может отказать человеку в том, чтобы тот
подумал. Вы думайте, а я займусь. (*Показывает на тетради.
Садится напротив папаши Очана, перелистывает очередную
тетрадь. Углубляется в работу.*)

Некоторое время оба молчат. Папаша Очан не без хитрости
поглядывает на Лаврова.

Папаша Очан. Вы знаете, что Надя не моя дочь?

Лавров (*с притворным ужасом, не отрываясь от работы*). Что
вы говорите!

Папаша Очан. Молодой человек! Я тоже понимаю, что такое
ирония. Моя жена и дочь погибли в сорок первом. В эшелоне,
под бомбажкой. Надо я взял из детдома и удочерили. Что это
за девочка! Она мгновенно ухитрилась у меня кое-что уна-
следовать.

Лавров (*проверяя тетрадь*). Что именно?

Папаша Очан (*встает, берет шляпу*). Предрасположение к
насморку. Я не буду вам мешать.

Лавров (*откладывает тетрадь*). Надя уехала в университет. И у
нее нет никакого насморка. У таких девчонок, как она, на-

сморк проходит в один день. Она мне звонила. И вы не искали Надю. Вы просто пришли ко мне. Нет, непросто. Вы знаете, что Надя меня любит...

Папаша Очан (*перебивает*). Послушайте, что я вам скажу! (*Снова садится, кладет шляпу.*) Опа купила глобус. Глобус Луны. И теперь там есть море Лаврова. И мыс Лаврова. И пик Лаврова. И все там сплошной Лавров. И она хочет лететь на Луну. И я знаю, что теперь, когда светит Луна, это светит Лавров. Как я мог не заметить, что она вас любит? Но если она хочет лететь на Луну — значит, здесь, на Земле, что-то не клеится?

Лавров. Принесли бутылочку с kleem?

Папаша Очан. А как же! (*Вынимает из бокового кармана поллитра, ставит на стол. Вопросительно смотрит на Лаврова.*)

Усмехнувшись, Лавров достает из буфета два чайных стакана, наливает их доверху. Чокнувшись с Очаном, ставит, не выпив, свой стакан. Очан выпивает не поморщившись.

Лавров. Какой аттракцион вы мне еще покажете?

Папаша Очан. Я стар. И думаю медленно.

Лавров. Конечно! В семьдесят лет, если только представишь себе длинную улицу, — сразу устаешь. А вы по ней прошли. Кстати, вы еще поднялись на пятый этаж без лифта. Вам бы до сих пор кряхтеть и охать.

Папаша Очан. Разве я не охал и не держался за сердце?

Лавров. Нет.

Папаша Очан. Забыл. А ведь собирался. У меня есть в этом опыт. На работе, как только мои сверстники начинали охать и хвататься за сердце, я брал у них взаймы валпидол. И охал громче всех. Чтобы не обидеть их своим здоровьем. Знаете, чем это кончилось? Они работают до сих пор, а меня выставили на пенсию. (*Ставит правую руку локтем на стол, приглашает Лаврова сделать то же самое. Лавров ставит руку.*) Ну? Вы понимаете, что в семьдесят лет это неприлично?

Лавров. Откуда у вас... такое?

Папаша Очан. Мальчик мой! Такое бывает только от легкой жизни. Все, что мне подсовывала жизнь, было легко. Вы никогда не тряслись за свою шкуру? Нет? Так знайте, что это легко! Шкура, как вам известно, не пневматовый костюм. Мне было бы тяжело трястись за пневматовый костюм. Но когда вас предупреждают, что с вас спустят шкуру, — вы легко начинаете за нее трястись. Я трясясь. В Кременчуге. До семнадцатого года. Там у меня было еще одно легкое занятие: я учился на часовщика. В детстве я всегда что-нибудь крутил в руках. И папа решил, что крутить часовые винтики — это мое призвание. Он хотел сделать из меня человека. Чтобы я оказался на коне.

Лавров. И как? Оказались?

Папаша Очан. В девятнадцатом году. В Первой Конной. Мне дали в руки саблю, и два года я ее крутил. А так как я привык с детства что-нибудь крутить в руках — мне это тоже было легко. Кстати, мне правится, что вы кепьющий. (*Берет нетронутый стакан Лаврова, отпивает из него.*) Если вас интересует, что я крутил потом, я вам отвечу: часовые винтики. Я все-таки выучился на часовщика.

Лавров. Что-то вы слишком много крутили.

Папаша Очан. Да. Но зато я не крутился сам. Даже когда меня называли винтиком. Я же знал, что я — пружина. Меня завели в семнадцатом на большой ход. И я не крутился, я раскручивался. Просто некоторое время я был пружиной под названием «винтик». А знаете, почему вы мне дерзите? Потому что вам за меня стыдно. Вы решили, что старый Очан притащился, чтобы проплюхать, какая у вас зарплата. И есть ли у вас отдельная квартира с удобствами. Юноша! Не делайте мне тяжелой жизни. Она у меня всегда была легкой. Даже когда я работал слабженцем.

Лавров. Вы же часовщик!

Папаша Очан. Но я работал слабженцем. В сорок первом. При немцах.

Лавров (*резко встает*). При немцах?

Папаша Очан. А почему нет? Я привык работать. Почему при немцах я должен был бездельничать?

Лавров. Ну, ладно. Хватит. (*Недвусмысленно подает ему шляпу.*)

Папаша Очан (*берет шляпу, кладет ее на прежнее место.*)

Смотрит на Лаврова). Я не знаю, где вас застал сорок первый год. Лично я был в Кременчуге. Город заняли немцы. Я успел отправить жену и маленькую дочь. Но, как вы знаете, сапожник ходит без сапог. Я — часовщик. И на себя мне времени не хватило. Немцы! Они очень хорошо к нам отнеслись. Знаете, что они с нами делали? Они нас катали на автомобиле! К дому подъезжал закрытый автомобиль, который назывался «душегубка». В него сажали человека. Но человек никогда не верит своему счастью. И чтобы он поверил своему счастью, его укатывали до смерти. Я катался. Но в нашей машине что-то испортилось: не все выхлопы попадали в кабину. Мы притворились мертвыми. И нас выкинули за городом, на свалку. Со свалки я уже пошел пешком. Это было не так роскошно, как на автомобиле; но я не обжался на судьбу.

Лавров (*с отвращением*). После этого вы пошли к ним снабженцем?

Папаша Очан. К кому — к ним? Я снабжал партизанский отряд автоматами. Ночью босиком я крался за немецкими патрулями. Я же понимал, что немцы рано или поздно будут биться головой об стенку. Просто я их был головой об стенку гораздо раньше, чем они сами решили это делать. У меня была норма: два автомата в ночь. Но я еще не забыл, что такое стахановское движение, и приносил четыре. Теперь замою шкуру трясясь весь партизанский отряд. Еще бы! Это была очень дорогая шкура: гестапо за нее давало двадцать тысяч марок.

Лавров. Простите. Я дурак.

Папаша Очан. Разрешите, я сам составлю о вас мнение. А теперь слушайте меня внимательно. Надя вам не рассказывала, что на первом курсе к ней привязался один хлюст с рожкой шевелюрой?

Лавров. Нет.

Папаша Очан. Тогда я совершаю преступление. Но вы должны понять, почему я к вам пришел. Так вот, этот тип боль-

ше ухаживал за своей шевелюрой, чем за Надей. Когда я на него смотрел, мне хотелось стать дружинником. Однажды, после какого-то разговора, Надя попросила, чтобы я его выставил. Я его вынес через черный ход, как помойное ведро. Он написал на меня донос, что я получил у немцев двадцать тысяч марок. Это был честный парень: доноса он прислал мне. Я думал, что меня будут таскать. Знаете, что я сделал?

Лавров. Пошли и свернули ему шею.

Папаша Очан. Нет. Мне очень стыдно вспомнить, но я сказал Наде, что она не моя дочь. И что можно составить юридическую бумагу. И все это расторгнуть. Как брак. На всякий случай.

Лавров. Что же Надя?

Папаша Очан. Она топала на меня ногами. И кричала, что я не Очан, а кочан. Старый, глупый и злой кочан капусты. Кажется, еще и мороженый. Я понимаю, что кочан капусты может быть и старым и мороженым. Но как может быть кочан капусты глупым и злым?

Лавров. Вы этого не поняли?

Папаша Очан. Нет. Но я понял другое. Что Надя для меня больше, чем дочь. Теперь вам ясно, почему я не мог к вам не прийти?

Лавров. Вас «таскали»?

Папаша Очан. Куда? Ах, по поводу этого? Да. Ко мне заехал капитан с синим окольышком. Он спросил, не буду ли я в обиде, если доносчику дадут пятнадцать суток. Как за мелкое хулиганство. Я сказал, что буду в восторге: его же обреют на голо! (*Встает.*) Мне понравилось, как вы проверяете ваши тетрадки. (*Не без иронии.*) Мне понравилось, что вы это делаете при гостях. (*Кивает на тетрадки.*) Они все станут физиками?

Лавров. Мечтают.

Папаша Очан. Если бы я учился у вас, я бы тоже мечтал стать физиком. Но теперь я мечтаю только о внучке.

Лавров (*улыбается*). Разве уже все потеряно?

Папаша Очан. Нет, что вы! Но у соседей, у клоунов Донато, уже есть ребенок. И какой! Самый лучший. Скажите, почте-

му все самое лучшее всегда бывает у соседей? Но вы думаете, что с ним плячется Донато? Ничего подобного! Донато уходит в цирк. Но Донато купили ребяшку милицейский свисток. И как только этот архаровец засвистит — к нему бежит папаша Очан. (*Нахлобучив шляпу, идет к двери, оборачивается.*) А? Вы представляете, что у меня за жизнь? Сосед — клоун, дочь собирается лететь на Луну, а маленький ребенок свистит в милицейский свисток! (*Подмигнув Лаврову, выходит.*)

Лавров некоторое время стоит, глядя ему вслед. Улыбнувшись, выключает верхнюю лампочку. Остается гореть настольная. Лавров садится за стол и снова берется за тетради. Вся комната погружена во мрак, только в четком пятне света склонившийся над тетрадями Лавров. Тихо начинает брезжить рамповый свет. Когда он загорается, перед Лавровым сидит знакомый нам парень. На парне солдатская гимнастерка со следами погона, одна рука на черной перевязи, рядом с ним — костьль. За ремнем гимнастерки заткнута потрепанная книга. Лавров продолжает работать. Парень с любопытством смотрит на него.

Парень (не без иронии). Ставишь отметки?

Лавров (не отрываясь). Если люди учатся, они должны получать отметки. И кто-то их должен ставить.

Парень. Я бы предпочел, чтобы это делал кто-нибудь другой.

Лавров (не отрываясь). Зачем ты здесь?

Парень. Если бы ты не хотел — меня бы здесь не было.

Лавров продолжает молча работать.

У тебя перекресток?

Лавров (продолжая работать). Да.

Парень. Новый перекресток?

Лавров (долго изучает какую-то тетрадь. На мгновение вскидывает голову). Что?.. Нет, тот самый. (*Снова углубляется в работу.*)

Парень. Ты еще не выбрал дорогу?

Лавров (берет следующую тетрадь). Нет.

Парень. Ты нерешителен, как все неудачники.

Лавров (внимательно просматривая тетрадь и делая пометки).

Если ты еще раз скажешь «неудачник», я дам тебе в ухо.

Парень. Нельзя дать в ухо своей молодости, если она тебя упрекает. Это будет несправедливо.

Лавров (просматривая тетрадь). Я дам тебе в ухо. И это будет справедливо. Ты оглохнешь, как Эдисон, и сделаешь тысячу открытий.

Парень. Я не сделаю тысячу открытий. Я вижу по тебе (*кивает на тетрадки*), что не сделаю тысячу открытий. Для чего же тогда мне это? (*Достает из-за ремня книгу, кладет ее перед Лавровым.*) Очень смешно — Циолковский на немецком языке. Помнишь? Еще на фронте ребята взяли ее на каком-то немецком инженере. Хромовые сапоги и Циолковского. Мне, естественно, достался Циолковский.

Лавров (берет книгу, листает). Ты не почувствовал себя неудачником оттого, что тебе не достались хромовые сапоги?

Парень. Я бы их все равно обменял на Циолковского. Я много думаю о космосе. И полетах. Но я зря об этом думаю. Я вижу по тебе, что зря.

Лавров. Да. Ты не взлетишь.

Парень. Встает новый день физики. Я хочу быть одним из тех, кто его возвестит. На факультете меня называют одержимым: два года я превращаю в год. Я сжимаю сроки. Я тороплюсь. Но скоро ты мне наступишь на горло.

Лавров. Новый день физики! Ты щеславен, как молодой петух. Ты думаешь, что если утром первый крикнешь «ку-ка-ре-ку», то сделаешь великолепное открытие. И тебе сразу дадут доктора наук, потому что без тебя люди не заметили бы, что наступило утро.

Парень. Может быть, ты мракобес?

Лавров. Бес мрака? Нет, я не бес. И я очень люблю свет, а не мрак. Я люблю землю. И людей. Для меня неоткрытые звездные миры — это люди. Я их открываю. И Земля — это тоже еще очень страшная планета. Особенно с утра. Это ты поймешь после.

Парень. Когда ты мне наступишь на горло?

Лавров. Я не наступлю тебе на горло. Просто в один прекрасный день на твое плечо ляжет рука Долга. Это — тяжелая рука. Она придавит тебя к земле и повернет к людям. Поэтому что пора. Пора их открывать. И любить. И делать им чудо. Чтобы они в свою очередь открывали, любили и делали чудо другим. Это будет твой фронт. Сначала — по распределению, на время. Потом — по призванию. Навсегда. Потому что здесь — огонь и бой. Человека мало открыть. За него надо драться. И отдавать жизнь.

Парень (*грустно*). Значит, я стану просто учителем физики?

Лавров. Я не просто учитель физики. Я — стартовая площадка. С меня взлетают. Не со всякой стартовой площадки можно взлететь. А мои — все на орбите! Можно вдолбить в человека закон Бойля — Марпotta. И Ньютона. И Ома. Но человек не взлетит. Я не вдалбиваю в людей формулы. Я жизни человека придаю жизнь Бойля. И Марпotta. И Ньютона. И Ома. Я, как бог, даю человеку десять жизней. И поэзию. И тогда он взлетает. Так родилась Бегущая по Звездам.

Парень. Так схватись за нее. Она взлетела. И она поднимет тебя.

Лавров. Но она — только сто тысяч частых ударов сердца. А не тот, один, который как разрыв мины.

Парень. Сто тысяч частых ударов — это разбег перед стартом. Ты должен взлететь. Один ты уже не взлетишь. Но она поднимет тебя. Ты не милиционер, чтобы стоять без конца на перекрестке. Ты должен выбрать эту дорогу. Это — последний шанс взлететь.

Лавров. Ты молод и потому горячишься. Я ведь уже не то, что ты.

Парень. Все равно. Ты должен выбрать эту дорогу. Подумай.

Лавров. Об этом не думают умом. Об этом думают сердцем.

Парень. Подумай сердцем.

Лавров. Хорошо. Я подумаю.

Медленно гаснет свет рампы. В комнате темно. Только в четком пятне настольной лампы — Лавров, задумчиво перебира-

ющий страницы книги. Вспыхивает верхняя лампочка. Ее зажгла Надя. Парня нет. Надя стоит, держа руку на выключателе. В другой руке у нее букетик ландышей. Лавров даже не поднял голову.

Надя. Добрый вечер, Землянин!

Лавров (*погруженный в себя*). Привет, Бегущая по Звездам. Как сегодня на звездных дорогах?

Надя (*проходит в комнату*). Я не была сегодня на звездных дорогах. Я была на Центральном рынке. На этой странной планете, которая называется Земля, исчезли ландыши. Поэтому я была на Центральном рынке. Там стоят люди, которые ничего не понимают в цветах. Но у них есть цветы. Я взяла немножко у них. (*Ставит перед Лавровым ландыши.*)

Лавров. Спасибо. Сядь.

Надя (*садится*). Будет урок?

Лавров. Будет разговор. (*Молчит.*)

Надя. Где разговор?

Лавров (*показывает на себя*). Там.

Надя. Я там есть?

Лавров утвердительно кивает.

Тогда это очень важный разговор. Я подожду.

Лавров. Разговор может быть долгий.

Надя. Я подожду. Я могу ждать до самой берески.

Лавров. До какой берески?

Надя. Я где-то читала. У каждого человека в конце пути есть береска. А под ней человек. Но это будет не скоро, через сто лет. Я могу ждать сто лет.

Лавров (*держит на ладони книгу*). Смешно! Циолковский на немецком языке. Еще на фронте ребята взяли ее на каком-то немецком инженере. Хромовые сапоги и Циолковского. Мне, естественно, достался Циолковский.

Надя. Он опять кричал на тебя, что ты неудачник?

Лавров. У него это навязчивая идея.

Надя. Ты дал ему в ухо?

Лавров (*усмехается*). Нельзя дать в ухо своей молодости, если

она тебя упрекает. Это было бы несправедливо. (*Откладывает книгу в сторону. Смотрит на Надю.*)

Надя. Земляни! Ты сделал мне маленькое чудо с оркестром. Я его взяла с собой, и теперь оно живет у меня. Сделай мне большое чудо. На всю жизнь.

Лавров. Надя Очан, человек не должен просить о любви.

Надя. Учитель Лавров, человек должен просить о любви. Если он не попросит — ему ничего ждать. Я попросила. И теперь могу ждать. Долго. Сто лет.

Лавров поднимается, отходит к окну. Стоит спиной к Наде, опершись на подоконник.

Лавров. Надя Очан, ты знаешь, какая ты? Про тебя можно сказать: она из нашего дома. Она с нашей улицы. Она из нашего города. Она с нашей планеты. Не про всякого это можно сказать. Про тебя можно.

Надя встает. Она замерла и напянулась как струна.

Надя Очан, знаешь, что такое ты для меня? Ты для меня — это сто тысяч частых ударов сердца. Может быть, я бы никогда тебе этого не сказал. Но сейчас я могу тебе и это сказать.

Замахав от счастья руками, Надя тихонько выходит. За стеной раздается аккорд гитары.

Мальчишеский голос (*поет за стеной*).

«Надоело говорить и спорить
И любить усталые глаза.
В флибустьерском, дальнем море
Бригантине подымает паруса...».

Мальчишеский голос смолк, но за стеной продолжает звенеть гитара и кто-то насвистывает мелодию.

Лавров. Да, сейчас я могу тебе и это сказать. И еще я тебе могу сказать: если бы моему голосу было столько лет, сколько тому, который поет за стеной мою песню, я бы подумал, что сто тысяч частых ударов — это разбег перед стартом. А теперь я знаю: сто тысяч частых ударов — это волнение за друга. Кото-

рый взлетел. И может споткнуться о какую-нибудь погасшую звезду. И упасть. Он не споткнется и не упадет, но все равно: сто тысяч частых ударов — это волнение за друга. А настоящий удар бывает один. Большой и трудный, как разрыв мины.

Входит Рита и, тихо прикрыв за собой дверь, останавливается.

Мальчишеский голос (*поет за стеной*).

«Капитан, обветренный, как скалы,
Вышел в море, не дождавшись нас...
На прощанье подымай бокалы
Золотого терпкого вина...».

Опять смолк за стеной голос. Только гитара и свист.

Лавров. И еще я скажу тебе, Надя Очан, Бегущая по Звездам. Я тоже хочу чуда. Я хочу, чтобы за моей спиной сейчас стояла не ты. И чтобы не ты сказала мне те три слова. Я знаю, «те три слова» — это звучит попловато. Потому что их часто кидают друг другу, как мелочь со стерней чеканкой. И они позывкают в кармане на всякий случай. Но один раз они бывают громадными, как три кита, на которых стоит Земля. Потому что Земля действительно останавливается на минуту. И ты забываешь все, что учил. И понимаешь, что три кита — это правда.

Рита (*тихо*). Я люблю вас, Лавров.

Свист и гитара за стеной смолкли. Тишина. И снова — взрыв гитары и мальчишеский голос.

Мальчишеский голос (*поет за стеной*).

«И в беде, и в радости, и в горе —
Только чуточку прищурь глаза —
В флибустьерском, дальнем море
Бригантине подымает паруса...».

Лавров (*не оборачиваясь*). Это вы.

Рита. Она ушла.

Лавров. Я думал, она здесь.

Рита. Я знаю. Но она ушла. Я сяду.

Лавров (*отходит от окна, смотрит на Риту*). А как к вам относятся вещи? Этот диван, например?

Рита (*думая о другом*). Бесхарактерное существо. Тюфяк. Мне нечего опасаться. (*Садится.*)

Лавров. Вы изменились. Прошло три дня? Или три года?

Рита. Прошло три дня. Или три года. Наверное, я успела постареть! Что делать! Время идет.

Лавров. Вы что же, дотянулись до ваших часов?

Рита. Да. И из них начала высакивать кукушка. А кукушка, как вам известно, птица вещая.

Лавров. Что же она вам накуковала?

Рита. Что если по земле ходят такие люди, как учитель Лавров, то и часы должны идти. Только их надо поставить немножко вперед. И тогда это будет точное время.

Лавров. Что теперь?

Рита. Портрет отца. Мне очень нужны его глаза. Такие, какими они могли быть сейчас.

Лавров. Сумеете?

Рита. Я не знаю. Но я достала билет на бригантину.

Лавров. Вы привыкли ездить в мягком вагоне. На бригантине нет мягких мест.

Рита. У меня жесткий билет. Проверьте, он не фальшивый. Мне его дала девочка, которая не очень-то меня любит. И которую мне сейчас очень жалко: она мне отдала свой билет. (*Пауза.*) В этой стране по-прежнему курят папиросы с романтическими названиями?

Лавров. Да. «Волна». «Прибой». (*Протягивает Рите пачку.*)

Рита (*берет папиросу*). Спасибо.

Лавров. Я оставлю. (*Бросает пачку на стол.*)

Рита (*удивленно*). Оставите?

Лавров подходит к вешалке, снимает пальто, перекидывает его через руку. Подходит к двери, оборачивается. Смотрит на Риту.

Да. Ступайте. Я подожду.

Лавров. Сто лет?

Рита. У меня нет столько времени.

Лавров выходит. Дождевой занавес. За ним исчезает комната, в которой осталась Рита. Проступают очертания остановившегося такси. Лавров открывает дверцу и выходит. Таксист тоже выходит. Кладет руку на капот.

Лавров. Перегрелся мотор?

Таксист. Мы долго ехали.

Лавров (*заявляя в кабину, удивленно*). На счетчике пусто.

Таксист (*усмехается*). Забыл включить. С нами бывает.

Лавров. А бешин?

Таксист. Копеец семьдесят. У меня найдется.

Лавров. Ты что, сошел с ума?

Таксист. Вы расплатились.

Лавров. Чем?

Таксист. Мадрид. Блиндаж. Я еще вам остался должен.

Лавров. Ты не так прост.

Таксист. Другие думают иначе. Но вы думайте так, как сказали. Мне подождать?

Лавров. Пожалуй, нет.

Таксист. Я бы хотел уехать отсюда без вас. Но я подожду.

Лавров. Ты бы хотел, чтобы я остался?

Таксист. Я подожду.

Лавров. Наверное, я много болтал.

Таксист. Нет, ничего. В такси всегда много разговаривают. Как в поезде.

Лавров. Как в поезде. Зпаешь, я иногда не сплю по ночам. Сердце стучит так, что все тело подпрыгивает. Как в поезде, на стыках. Каждый стук сердца — это стык рельсов. А как далеко бегут эти рельсы, по которым стучит сердце?

Таксист. Бонтесь идти?

Лавров. Ты про меня много знаешь.

Таксист. Если бы я учился у вас, я бы знал, что Пушкин убил Дантеса. И что Мадрид не пал тогда, в тридцать седьмом.

Лавров. Да. Мадрид не пал.

Таксист. Я расскажу ребятам про Мадрид.

Лавров. И про то, что Пушкин убил Дантеса.

Таксист. Вы бы пошли.

Лавров. Да. Я пойду. Спасибо.

Дождевой занавес смывает картину. Комната Нади. Звездная карта. Огромная, как стена. Кресло. Больше ничего в комнате нет. Надя в позе напряженного ожидания. Кажется, что она стоит на фоне громадного окна, распахнутого в космос. Входит Лавров.

Надя. Ты долго ехал, Землянин.

Лавров. Это была единственная дорога, по которой я мог к тебе проехать.

Надя. Было много поворотов? И ухабов? И тебя растрясло?

Лавров. Да. Было много поворотов. И ухабов. Звездные дороги легче земных. Скажи, бывает ли темно на звездных дорогах?

Надя. Бывает, Землянин. Бывает очень темно на звездных дорогах.

Лавров. А бывает ли на звездных дорогах светло?

Надя. Бывает. Бывает очень светло на звездных дорогах.

Лавров. Я присяду. Я вдруг почему-то устал. Знаешь, набегался за сорок лет.

Надя. Тебе не сорок лет. Тебе дважды двадцать. Слышишь?.. За окном пропущел корабль.

Лавров. Наверное, твой. Из дюзовых вырывается след еще никому не известного горючего. Скорость — две тысячи метров в секунду.

Надя. Нет, это твой корабль. У штурвала стоят два мальчика в звездостеклах. В зарифленных парусах посвистывает ветерок. Ты пришел, чтобы взять меня с собой?

Лавров. Я пришел, чтобы оставить тебя на берегу.

Надя молчит, стоя над креслом, в котором сидит Лавров. Долго молчит.

Ты плачешь?

Надя. Нет. Только у меня что-то оторвалось внутри. Наверное, от высоты. Я слишком высоко взлетела.

Лавров. Как на звездных дорогах?

Надя. На звездных дорогах никогда еще не было так темно.
Лавров. Прости. Я не мог иначе.

Надя. Я знаю. Только то, что оторвалось, наверное, еще не долетело вниз. И у меня кружится голова.

Лавров поднимает руку. Надя кладет ему на ладонь голову.

Лавров. Я не мог иначе.

Надя. Я знаю. Только я еще не привыкла. Я была очень счастливая. И теперь мне надо перепривыкнуть.

Лавров. Давай про другое?

Надя. Давай.

Лавров. Где папаша Очан?

Надя. Ушел прогуляться. Я прибежала очень счастливая и сказала, что ты сегодня обязательно придешь. Тогда он решил прогуляться. Видишь, у меня все равно не получается про другое.

Лавров. Вижу. Но мы обязательно должны про другое.

Надя. Да. Обязательно. Давай про скрипку?

Лавров. Давай.

Надя. Про ту, которую ты учил меня слушать.

Лавров. Про ту, которую я учил тебя слушать?

Надя. Да. Так, чтобы внутри плавали колючие льдинки.

Лавров. Давай про скрипку.

Надя. Я вспомнила. А ты?

Лавров. Я тоже вспомнил.

Надя. Тогда она обязательно должна засиграть.

Начинает звучать голос скрипки.

Ты еще посидишь?

Лавров. Да.

Надя. Она у тебя дома? И ждет?

Лавров. Да. Она у меня дома. И ждет. Но она не может ждать сто лет.

Надя. Ты торопишься?

Лавров. Я еще посижу.

Надя. Пожалуйста, посиди. Она пришла тут же, за мной?

Лавров. Давай про другое.

Надя. Давай. Про что?

Лавров. Давай про завтра.

Надя. Завтра я к тебе уже не приду.

Лавров. Завтра проснется много людей.

Надя. Чтобы пойти на работу?

Лавров. Чтобы посмотреть друг другу в глаза.

Надя. Для этого надо обязательно проснуться. Нельзя же смотреть друг другу в глаза, когда они закрыты.

Лавров. Да, конечно. Тогда ничего не получится.

Надя. На каждом твоем уроке я смотрела тебе в глаза.

Лавров. Давай про другое.

Надя. Давай. Ты думаешь, со мной это случится еще раз?

Лавров. Я думаю, что случится.

Надя. Завтра?

Лавров. Я не знаю.

Надя. Теперь у нас с тобой будут разные завтра. Но это ничего, правда?

Лавров. Да. Я думаю, что это ничего.

Надя. Закрой глаза, Землянин.

Лавров. Зачем?

Надя. Я спою тебе колыбельную.

Лавров. Но я — взрослый. Мне дважды двадцать. У меня седые волосы. Разве поют колыбельную взрослым людям с седыми волосами?

Надя. Пожалуйста, вспомни про скрипку так, чтобы она играла потише.

Лавров. Хорошо.

Скрипка начинает играть тише.

Надя. Типе! Пожалуйста, типе!

Никто, никогда и нигде

не пел колыбельной взрослым.

Но если принять во внимание,

что взрослые —

это бывшие дети,

то почему же не спеть им

колыбельную?

Но не просто,

не просто о том,

что спать пора,

а просто о том,

что люди встают по утрам,

потому что приходит Завтра...

Завтра приходит всегда и везде

и пробуждение —

это чудо,

потому что это всегда как рождение,
когда наступает Завтра...

А день отгремит —

не грусти, пожалуйста!

Счастье!

Оно отчасти

в том,

чтобы день проводить без жалости,
потому что наступит Завтра...

Будьте добры, потише!

Никто, никогда и нигде.

не пел колыбельной взрослым.

Но если принять во внимание,

что взрослые —

это бывшие дети,

то почему же не спеть им

колыбельную?

Но не просто,

не просто о том,

что спать пора,

а просто о том,

что люди встают по утрам,

потому что приходит завтра...

Тихо звучит скрипка.

Занавес

1962 г.